

ЭЛЬ КРАВЕН

УТИЛИЗАТОР
ИМПЕРИИ

ПОЛИГОН № 13

Эль Кравен

Утилизатор Империи. Полигон 13

«Автор»

2026

Кравен Э.

Утилизатор Империи. Полигон 13 / Э. Кравен — «Автор», 2026

Я сорок четыре года учил людей не лезть в работающий механизм. Потом сам погиб на заводе и очнулся в магическом мире, в теле каторжника, которого ненавидит вся смена. Теперь мой дом — Полигон 13. Великие рода свозят сюда проклятые артефакты, неудачные боевые разработки и вещи, способные уничтожить целый квартал. А местная Система считает отходами даже людей. Мне достался запрещённый класс Утилизатора. Я вижу настоящую функцию любой вещи, могу отделить опасное и вернуть полезное в работу. Цена каждого применения — заражение, чужие воспоминания и ещё один стёртый кусок собственной личности. Чтобы выжить, придётся собрать команду из тех, кого прежний хозяин моего тела предал, восстановить уничтоженный Вторичный круг и перейти дорогу великому Дому Вересовых. Плохая новость: для них я тоже отход. Хорошая: я специалист по утилизации.

© Кравен Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Яма принимает всё	5
Глава 2. Без допуска	15
Глава 3. Три кучи	25
Глава 4. Мусор не бывает ничей	35
Глава 5. Смена, которая осталась	44
Глава 6. Полигон № 13	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Эль Кравен

Утилизатор Империи. Полигон 13

Глава 1. Яма принимает всё

Сирена на линии молчит, хотя за герметичной дверью второй раз вспыхивает белый свет. В нормальную смену после такого вентилиция должна встать на аварийный режим, люди — выйти через северный шлюз и пересчитаться у курилки, а начальник — забыть все слова, кроме фамилии ответственного. Сегодня табло над воротами показывает бодрое зелёное «РАБОТА», и только охранник Миша держит рукав у лица, будто от запаха палёного пластика можно спрятаться в синтепоне.

— Начальник смены сказал, у них технологический пар, — сообщает он, пока я прикладываю заблокированный пропуск к считывателю. Красная лампа мигает вполне честно. — И ещё сказал вас не пускать.

— Технологический пар не царапает горло через две двери. Открывай механическим.

Миша мнётся, глядя то на меня, то на ворота. В половине одиннадцатого вечера я должен сидеть дома и писать объяснительную, почему утром остановил новую линию через сорок минут после приёмки. Вместо этого стою перед бывшим цехом и слушаю роторный шредер, который я опечатал после отказа газоанализатора. За стеной что-то тяжело падает; зелёная надпись наконец гаснет, сменяясь жёлтым «НЕИСПРАВНОСТЬ СВЯЗИ».

— Вадим Сергеевич, у меня инструкция.

— А у них там фтороводород. Выбирай, чего больше боишься: инструкции или уголовного дела, где твою фамилию напечатают без ошибок.

Ключ он достаёт не из уважения ко мне — уважение в нашей отрасли вообще плохо заменяет письменное распоряжение. В шлюзе пахнет сладким растворителем, горячей изоляцией и минеральной горечью, которую не спутаешь после первого учебного ожога. Я натягиваю полумаску, проверяю прилегание и забираю из шкафа самоспасатель. От высокой концентрации кислого газа полумаска поможет примерно так же, как каска при падении цеха, но другого нет. Миша приоткрывает внутреннюю дверь; из щели дует тёплым, по полу катится серый туман.

— Закрой и звони пожарным. Повреждение литиевых батарей, возможен фтороводород, внутри люди. Не «задымление» и не «хлопок». Северный подъезд свободен?

— Там фура под разгрузкой, — отвечает он и, увидев мой взгляд, уже на ходу орёт второму охраннику, чтобы тот выгонял её хоть через забор. Наконец-то инструкция, с которой можно работать.

В цехе видимость метров пять. Аварийные фонари горят через один, плотный дым тянется и под потолком, и у самого пола. Вытяжку пустили в обратную сторону; теперь общенная система аккуратно разносит выброс по рабочим местам. Я иду вдоль жёлтой линии, касаясь стены плечом. За занавесом участка разрядки кто-то кашляет коротко и часто; между приступами слышен женский мат.

— Галя, это Орлов. Сколько вас?

Оператор Галина Петровна вываливается ко мне почти на четвереньках. За ней двое сортировщиков тащат наладчика, у которого глаза открыты, но ноги уже не слушаются. Галя срывает маску на шею, и я сразу возвращаю её на место, прижимая фильтр ладонью.

— В упаковке шестеро. Олег побежал к щиту. Заслонка не закрывается, Вадим: команда проходит, мотор крутит, а она стоит.

— Почему линия работала?

В глазах у неё слёзы — не от раскаяния, от газа, но ответ получается одинаково злой: «Потому что премия за квартал заканчивается сегодня». Я отдаю самоспасатель парню с наладчиком, показываю на северный шлюз и заставляю Галю повторить маршрут. Она хочет остаться и объяснить, что не знала про смешанную партию. Объяснения хорошо хранятся на бумаге; лёгкие для этого не предназначены.

До аварийного щита двадцать семь шагов по проходу и двенадцать через транспортёр, который ползёт рывками, неся разорванные модули и чёрную крошку. Над горловиной шредера дрожит синеватое пламя. У щита Олег без перчаток дёргает красный маховик; рядом валяется сорванная пломба с моей подписью. Я кричу, чтобы он не крутил, и он, конечно, делает ещё один оборот. В воздуховоде грохочет, короб выгибается наружу, из фланца вылетает белая пыль. Олег падает, закрывая лицо. Я вытаскиваю его за бетонную колонну.

— Хотел вручную закрыть, — сипит он.

— Ты открывал байпас.

— На схеме вправо — закрыть.

— На старой. Привод меняли в мае.

Олег смотрит на пломбу. Ему пятьдесят два, двадцать восемь из них он чинит всё, что другие успевают сломать, и сейчас мне хочется ударить его сильнее, чем директора. Поэтому сперва проверяю, может ли он идти. Злость — плохой газоанализатор: показывает много, измеряет неизвестно что.

— В упаковке люди, дверь магнитная, — говорит он, щурясь от дыма. — Главный автомат не берёт, дуга на секции.

На линии происходит ровно то, чего не должно случаться ни на одном приличном производстве и что непременно случается, если назвать временное решение постоянным, а экономию — оптимизацией. В шредер подали неразряженный тяговый модуль; повреждённые ячейки нагрели электролит, азотное подавление оказалось перекрыто, мокрый скруббер принял горячий выброс. Реакция кормит сама себя, а вентилятор гонит ядовитый аэрозоль к запёртой упаковке. Можно вывести нас двоих и дожидаться пожарных. Они разрежут дверь через двадцать минут и достанут тех, кого ещё можно будет достать. Разумная мысль — пока я не вспоминаю Люду, прячущую в шкафчике яблоко для сына: дома он не ест фрукты, если мама не принесла их «с работы». Я не знаю, дежурит ли она сегодня. Для решения это неважно.

— У заслонки осталась цепь?

— Осталась, но до неё по площадке идти.

— Сниму ограждение под транспортёром. Ты выползешь к северному шлюзу, отключишь привод местным рубильником и уведёшь тех троих. Пересчитаетесь снаружи.

Олег поднимается, держась за колонну, и качает головой. Я удерживаю его секунду дольше необходимого. Хотелось бы сказать, что всё будет хорошо, но такими словами легко распоряжаться, когда автор уже знает финал. Я не знаю даже концентрации в воздухе.

— Уйдёшь один — получишь по морде, — добавляю я. — Потом вернёшься с пожарными и напишешь на меня докладную.

— Ты уже уволен, — криво улыбается он под маской.

— Значит, взысканием не напугаешь.

Я снимаю секцию сетчатого ограждения гаечным ключом, забытым на раме. Болты горячие; один проворачивается вместе с гайкой, приходится рвать тонкий металл каблуком. Над головой проползает раскрытый аккумуляторный модуль, роняя жидкость, которая оставляет на бетоне белёсые следы. Цепь ручного закрытия висит за вращающимся валом. Я ловлю паузу между рывками ленты, цепляю её крюком для просыпи, перебрасываю через балку и наваливаюсь всем весом. Заслонку держат перепад давления, привод и спёкшаяся на направляющих грязь.

Олег отключает привод. Лента замирает; последний модуль катится к горловине и застревает над синим пламенем. Одновременно заслонка сдвигается на ширину ладони. Я тяну ещё, пока указатель не оказывается в грязной середине между красным и зелёным. Не герметично, зато поток разорван. На резервной рампе открываю азот: труба отвечает ударом, пламя ложится набок и гаснет. До упаковки теперь можно дойти, не пересекая основной выброс. Аварийная рукоять замка не двигается; со второй попытки я вырываю пластиковый кожух и замыкаю контакты отвёрткой.

За дверью не зовут — стучат, экономя воздух. Шесть ударов, пауза, ещё шесть. Замок щёлкает, и из щели наваливаются люди. Первой выходит Люда в синей косынке, с яблоком в закопчённой руке, потом ещё пятеро. Один обжёг ладонь, двое едва держатся. Люда задерживается, смотрит на мою маску и вместо благодарности затягивает ремень у меня на затылке; воздух перестаёт подсасывать у скулы.

— Теперь держит. А ты чего встал?

— Всех к северному шлюзу, пересчитать дважды. Я догоню.

Последний модуль уже вздулся над горловиной, но азот идёт, люди вышли, заслонка держится. Можно уходить. Нужно. В этот момент цепь ручного привода ломается, указатель ползёт к открытому сектору. Я успеваю толкнуть Люду в проход и захлопнуть дверь упаковки. Дальше мир становится белым, как мел на школьной доске. Удара не слышу — только чувствую, как воздух входит под рёбра и не выходит. Бетон принимает меня коленями, потом ладонями; маска слетает, а запаха уже нет. Это хуже всего: нос либо перестал различать, либо концентрация выжгла возможность жаловаться.

Через дверь шлюза люди кричат. Кто-то зовёт меня по имени, но вместо ответа получается влажный скрежет. Перед глазами лежит сорванная пломба — маленький прямоугольник пластика с моей подписью. Я думаю не о смерти. Думаю, что на расследовании директор скажет: Орлов самовольно проник на объект и нарушил порядок ликвидации аварии. Формально даже не соврёт. Хорошая формулировка переживает любого работника.

Меня будит удар о железо — проходит через позвоночник, выбивает воздух и возвращает миру сразу все запахи: мокрую золу, старую кровь, горячую медь, человеческий пот и сладковатую гниль давно нечищеного стока. Я лежу щекой на ребристом листе, не понимаю, куда делись перчатки, и вижу возле лица чужие пальцы с чёрной каймой под ногтями. Пальцы шевелятся, собираются в кулак. Мои, значит. В следующую секунду железный пол раскрывается двумя створками, и семь тел проваливаются вниз. Я ударяюсь о наклонную решётку, цепляю коленом чью-то спину и вместе со всеми скатываюсь в кучу холодного шлака, которая смягчает падение примерно так же, как щебёнка смягчает наезд грузовика.

Несколько секунд я умею только дышать. Это уже достижение: в предыдущем месте с дыханием возникли разногласия. Боль постепенно раскладывается по участкам — ушибленное плечо, рассечённая губа, шатающийся коренной зуб. Рёбра целы, ноги слушаются. Тело молодое, жилистое, исчерченное старыми шрамами, и ни одна подробность мне не принадлежит.

— Вставай, падаль, — говорит пожилой мужчина, уже поднявшийся на колено. Седые волосы острижены почти до кожи, короткая борода в золе, руки огромные и спокойные. Он смотрит не вверх, откуда нас сбросили, а на стены, канавы и груды вещей за решётчатыми воротами. Так осматриваются рабочие перед чужой плохо подготовленной сменой. — Оглох, Ратников? Или снова решил переждать за чужой спиной?

Приёмная яма похожа на вытянутую кирпичную чашу метров двадцать в длину. Стены местами оплавлены до стеклянного блеска; над ними идут мостки, где стоят люди в серых плащах и полумасках с латунными фильтрами. За их спинами громоздятся сломанные вещи

— каретный фонарь с человеческими зубами вместо стекла, связка погнутых клинков, чайник с неподвижным облаком пара, половина двери, всё ещё пытающаяся захлопнуться без стены и петель.

Кто-то рядом начинает молиться. Я понимаю слова, хотя никогда их не слышал, а потом в череп бьёт чужая память: грязная комната, костяной жетон на ладони, мужской голос обещает списать долг за три имени. Остаются тошнота и имя — Вадим Ратников. Не моё. Моё — Вадим Орлов, сорок четыре года, промышленная безопасность, разведён, детей нет, кофе покупаю дорогой и всё равно завариваю неправильно. Последнее, что помню без чужих картинок, — лопнувшая цепь и сорванная пломба.

Пожилой тыкает меня ботинком в бедро, проверяя, не притворяюсь ли. Я встаю, и мир плывёт. Рядом ещё пятеро: худой парень лет девятнадцати с разбитым носом, широкоплечий мужчина с военной выправкой, женщина с прижатой к животу левой рукой и двое измождённых каторжников. На каждом серая куртка, грубые штаны и железное кольцо на шее. Моё тоже холодно касается кожи.

— Внизу разрешено говорить только по работе, — сообщает уколоный человек на мостке, поправляя серебряный перстень. Маска висит у него на груди, будто опасность обязана соблюдать должностную иерархию. — Работа простая: целое — к белой стене, металл без свечения — в левую канаву, прочее не трогать до сортировщика.

— А он придёт? — Худой вытирает кровь с губы плечом. — Или сегодня тоже занят тем, что живёт?

Серые плащи смеются. Уколоный берёт короткий жезл, проводит ногтем по медному ободу — и кольцо на шее парня вспыхивает. Тот падает, дёргаясь; широкоплечий успевает подхватить затылок. Когда разряд прекращается, в воздухе остаётся запах палёных волос.

— Ещё один рабочий вопрос? — интересуется уколоный.

— Крюки дадите, господин Краст? — Пожилой не поднимает головы, однако смеяться наверху перестают.

— После первой корзины, Ломов. Докажете, что помните назначение рук.

Имена приходят вместе с ощущением, что тело их уже знало: Демьян Краст, начальник охраны полигона; Савва Ломов, крановщик. При имени Саввы память Ратникова дёргается и прячется. Решётчатые ворота начинают подниматься. Ломов ставит худого на ноги, широкоплечий отходит к стене так, чтобы видеть и ворота, и мостки. Под его кольцом старый рубец от ремня или удавки.

— Что за партия? — спрашиваю я Савву.

— Тебе ли не знать, Вадим Ратников. — Он поворачивает ко мне серые, усталые глаза; ненависть в них гораздо свежее. — Твоими стараниями берём всё, что дадут.

На наклонный лоток вываливается первая корзина: подсвечники, пряжки, два расколотых зеркала, детские игрушки и связка чёрных пластин. Никто не подходит, пока вещи не перестают катиться; потом люди разбирают края кучи быстро, не касаясь того, что светится, шевелится или шепчет. Новым здесь являюсь только я, причём тело успело испортить знакомство заранее.

Ближайшая серебристая пряжка тёплая, на внутренней стороне знак из трёх зубцов. При моём движении она пытается застегнуться на воздухе. Савва бросает, что целое надо нести к белой стене, но я нахожу обрывок кожи и подсовываю под язычок. Пряжка впивается в ремень, затягивая его до хруста.

— Если бы там были пальцы, двух не хватало бы, — говорю я.

Ломов хмурится, разглядывая перерезанную кожу. «У белой стены не суй руки внутрь», — советует он и уходит. Не доверие, всего лишь уточнённая инструкция, но с нуля и она считается прибылью.

Мы успеваем растащить половину корзины, когда над ямой появляется вторая подвесная клеть. Из щелей сыплются красные искры. Женщина кричит про смешанный груз и красную метку, а Краст, заглянув вниз, только пожимает плечом: «Метка старая. Раз дымится — будете работать быстрее».

Савва подходит под мосток и поднимает лицо. Голоса он не повышает, оттого наверху внезапно становится тише.

— В одной клетки нагревники и ратное железо. Открой обходной лоток.

— Он опечатан Палатой, — Краст проводит большим пальцем по перстню. — А отправитель — Дом Вересовых. Выберешься — лично объяснишь их приказчику, почему казённый полигон отказался принимать груз.

— Тогда хотя бы дай крюки.

— Докажете руками.

Краст делает знак машинисту. Днище клетки раскрывается.

Первыми падают оплавленные кирасы, ящик без крышки и россыпь каменных цилиндров. Один раскалывается о лоток, разгораясь багровым светом; жар не накапывает, а сразу оказывается на коже, как открытая дверца печи. Следом вылетает серебряный браслет и катится к левой канаве, оставляя дрожащие отражения. Последним падает овальный сосуд в бронзовой сетке с половиной герба — крыло над башней. Он не светится. Он гудит.

— К стене! От нагревника подальше! — Савва тащит женщину за ворот, не обращая внимания на её крик.

Камень прожигает деревянный ящик и замирает в центре ямы, браслет — слева, бронзовый сосуд — у правого стока. Между ними метров по восемь, и поначалу это кажется удачей. Потом камень выбрасывает язык пламени. Браслет возвращает багровый свет в сторону сосуда, тот отвечает толчком, от которого дрожит кирпич.

— Что они делают?

— Нагревник исполняет последнее заданное тепло, отражатель возвращает воздействие, армейский накопитель жрёт выброс, — Савва прижимает женщину к стене. — Когда нажрётся, рванёт. Или выплюнет. Ратное железо редко предупреждает, что выбрало.

По бронзовой сетке пробегают светлые линии; одна тянется к браслету, тот отражает её к камню, и треугольник замыкается. Серые плащи отступают от перил. Краст остаётся, но надевает маску — первое разумное его движение.

По крику худого из стены выдвигаются скобы, ведущие к люку под мостком. Семь человек одновременно смотрят на узкую лестницу, где двоим не разойтись. Краст велит подниматься по одному и обещает разряд за толчею. Всем ясно, кого спасает такой порядок: первых. Савва ближе всех к лестнице, однако ставит на нижнюю скобу женщину, а широкоплечий поддерживает её здоровую руку. Худой мечется; двое каторжников у стены уже выясняют, кто следующий. Пока словами.

Я смотрю на предметы и вижу старую линию: источник тепла, возвратный контур, перегруженный накопитель. Материалы незнакомы, но авария говорит на языке, которому перевод не нужен. По одному успеют уйти трое, может быть четверо. Остальные получают всё, что система удержит до последнего.

— Ломов, сколько времени?

— Спроси у своей совести. — Савва бросает на меня злой взгляд. — Ты ей раньше хорошо торговал.

Камень вспыхивает ярче; серебряная нить раздваивается, одна ветвь проходит сквозь меня. Буквы возникают где-то на внутренней стороне век — бесцветные, слишком ровные для галлюцинации.

ФУНКЦИЯ: НАГРЕВ.

ФУНКЦИЯ: ВОЗВРАТ ВОЗДЕЙСТВИЯ.

ФУНКЦИЯ: НАКОПЛЕНИЕ.

СОВМЕСТНОЕ СОСТОЯНИЕ: СЦЕПКА.

ДО НЕОБРАТИМОГО ЗАМЫКАНИЯ: 87 СЕКУНД.

Глаза я закрываю — буквы остаются; открываю, и число меняется на восемьдесят четыре. Возможно, мозг умирает второй раз и развлекает меня производственным интерфейсом. Возможно, это место пишет предупреждения прямо в голову. Для решения разница невелика: предметы всё подтвердили.

— Восемьдесят секунд до замыкания.

— Откуда знаешь? — Худой наконец перестаёт суетиться.

— Если объясню, станет семьдесят.

Савва смотрит на толстеющие нити. «Разнести надо, только тронешь один — два других потянут сильнее». Значит, трогать придётся одновременно и голыми руками. Впрочем, у лотка торчит железный крюк, в правой канаве лежит мокрый шлак, на нас куртки из грубой шерсти. Всё необходимое существует, просто предназначено не для нас.

Савва объясняет быстро: браслет можно тянуть железом, но второй возвращённый рывок сломает локоть; накопитель нельзя бить и катить к воде, зато мокрый шлак съест слабую наводку; целый нагревник гаснет в протоке, расколотый превратит её в котёл. Значит, камень не топим — только отводим тепло.

Краст шевелит жезлом, нагревая кольцо у меня на шее. «Ратников, к лестнице. Или решил второй раз продать очередь?» Савва стискивает челюсть. Женщина уже поднялась на четыре скобы, широкоплечий держит её снизу, остальные ждут, когда станет ясно, кто умрёт последним. Я снимаю куртку; на предплечье открывается чёрное клеймо — перечёркнутая ладонь с тремя насечками.

— Вор решил пожертвовать одеждой, — усмехается Савва.

— Вор решил не вариться вместе с вами. — Я киваю худому. — Как зовут?

— Лев.

— Лев, открывай центральный сток обломком кирасы. Шлак пустишь по команде. Ты, широкоплечий, держи женщину и лестницу: сверху могут втянуть скобы.

— Ратмир, — поправляет он, не представляясь.

— Ратмир держит лестницу. Савва, крюком уводишь браслет в левую канаву, за железный порог.

Лицо Ломова становится жёстче: «Не командуй мной, Ратников». Я предлагаю другой способ, если он есть; ненависть можно отложить на минуту — я никуда не денусь.

Лев неожиданно хмыкает у стока. Смех получается жалкий, на грани истерики, но руки у него начинают двигаться. Он подсовывает край кирасы под решётку и давит всем весом. Ратмир снимает пояс, продевает его через нижнюю скобу лестницы и обматывает вокруг предплечья. Женщина над ним ползёт вверх. Двое каторжников у стены перестают спорить.

Савва вырывает железный крюк из направляющей.

— Браслет мой. Камень кто?

— Я.

— Чем?

Я связываю рукава куртки, получая короткую петлю.

— Плохим решением. Найдёшь лучше — поменяемся.

Один из каторжников, бородатый и сутулый, молча снимает свою куртку и бросает мне. Я связываю две вместе. Получается подобие стропа, которым можно обхватить камень, не подходя вплотную. Второй мужчина уже лопатит мокрый шлак обломком металла, расширяя правую канаву вокруг накопителя. Никого из них я не знаю. Они меня, судя по всему, знают достаточно. И всё же делают. Не ради меня — ради того, чтобы через минуту оставаться людьми, у которых ещё есть причины для ненависти.

Число перед глазами падает до пятидесяти девяти.

— На сорока пяти начинаем, — говорю я. — Савва тянет браслет за порог. Я увожу камень в центральную протоку, не топлю — кладу на решётку. Остальные одновременно заваливают накопитель мокрым шлаком. Ратмир держит лестницу. Женщина поднимется — следующего не пускай, пока не закончим.

— Почему не сейчас? — спрашивает Лев. Решётка поддаётся на палец; из щели пахнет сыростью.

— Потому что вы ещё не готовы, а ошибку лучше совершать по плану. Подними левый край. Да, так. Теперь не отпускай.

— Обнадёжил.

Савва проверяет крюк, зацепляет браслет и обматывает свободный конец вокруг ладони. Я сразу бью его по запястью.

Он поворачивается медленно.

— Ещё раз тронешь — останешься без зубов.

— Обмотаешь — браслет вернёт рывок и снимет кисть вместе с крюком. Держи открытым хватом. Потеряешь железку, не руку.

Савва смотрит на свою ладонь. Разматывает конец.

— Этому ты где научился?

— На вещах, которые убивают скучнее.

Тридцать восемь.

— Начали!

Савва тянет. Браслет скребёт по кирпичу, световая нить натягивается и бьёт в крюк. Железо выстреливает назад; Савва выпускает его, как я просил, но древко всё равно задевает плечо и разворачивает старика. Он не падает, подхватывает крюк второй рукой и снова цепляет браслет.

Я бросаю петлю из курток перед нагревальным камнем, подсекаю её обломком кирасы и затягиваю. Ткань мгновенно дымится. Жар обжигает лицо, ресницы слипаются. Камень весит килограммов двадцать, но цепляется острыми краями за кирпич. Я тяну строп на себя, упираясь пятками. Он сдвигается на ладонь.

Справа двое каторжников и Лев заваливают накопитель шлаком. Серебряная линия дрожит. Бронзовый сосуд отвечает ударом, мокрая масса вокруг него пузырится, пахнет железом и грозой.

— Много! — кричит Савва. — Отгребите сверху, оставьте низ!

Лев пытается вытащить обломок кирасы, но тот прилип к шлаку. Он дёргает сильнее. Накопитель всасывает свет с металла, и кираса начинает складываться вокруг его руки, возвращаясь к форме, которой у неё никогда не было. Я бросаю строп, прыгаю к парню и бью ногой по краю пластины. Без толку. Лев орёт, металл сжимает рукав.

— Не тяни руку! Разверни ладонь ребром!

Он не слышит. Я хватаю его за запястье и силой поворачиваю. Пластина скользит по ткани, сдирает кожу, но рука выходит. Мы валимся на спину. В тот же момент камень остаётся без натяжения, петля ослабевает, и одна из курток вспыхивает.

Двадцать одна секунда.

— Орлов, ты опять выбрал человека вместо операции, — говорит директор в моей голове. Его здесь нет. Это не память Ратникова — моя собственная, свежая и совершенно бесполезная. Я отталкиваю Льва к стене, срываю с шеи обрывок ремня и набрасываю его на тлеющий строп.

— Савва, ещё два метра! Остальные — шлак только под низ, сверху отгребайте! Лев, живой?

Парень прижимает окровавленную кисть к груди.

— Был до знакомства с тобой.

— Тогда не порть статистику.

Он скалится — страх никуда не делся, но теперь у него есть конкретная работа. Лев хватается второй обломок и начинает снимать шлак с бронзовой сетки. Бородатый помогает ему. Накопитель проседает в мокрую постель, свет по контуру уходит вниз, в кирпич.

Савва рывком затаскивает браслет за железный порог. Отражение ещё секунду держится над канавой, затем рвётся. Треугольник превращается в прямую линию между камнем и накопителем. Она вспухает, становясь толщиной с руку.

Двенадцать.

Рукава первой куртки расходятся по шву. Камень выкатывается из петли и ударяется о край центральной решётки. Трещина на нём раскрывается. Изнутри выходит не пламя — прозрачный жар, от которого кирпичи становятся мягкими и блестящими. Я вижу, что центральный сток закрыт наполовину: Лев поднял левый край, как я велел, но под решётку забился старый мусор. Протока не примет тепло. Она превратится в котёл.

Вот и ошибка по плану.

Я хватаю горящую куртку за целый край, накрываю камень сверху и прыгаю на решётку обеими ногами. Железо не поддаётся. Тогда Ратмир отпускает пояс лестницы одной рукой и бьёт по решётке каблуком рядом со мной. Нижние скобы тут же начинают втягиваться в стену. Женщина вскрикивает наверху; Ратмир удерживает пояс локтем, мышцы на шее вздуваются.

— Ещё! — говорит он.

Мы бьём одновременно. Решётка ломает спёкшийся край, проваливается на несколько сантиметров, и из-под неё вырывается чёрная вода. Она обтекает камень, мгновенно вскипает. Пар бьёт вверх, срываёт с меня остатки куртки. Жар уходит не сразу — сначала наполняет протоку, гонит воду к правой канаве, туда, где лежит накопитель.

Я понимаю, что соединил их снова.

Четыре секунды.

— Шлак в сток! Весь! — ору я.

Лев и двое каторжников не спрашивают почему. Они сталкивают мокрую массу навстречу кипящей воде. Шлак забивает соединение, принимает пар, тяжелеет. Савва, оставив браслет за порогом, подхватывает крюком бронзовую сетку и поворачивает накопитель гербом вниз. Световая линия дёргается, ищет прежнюю цель и вместо неё входит в мокрый шлак.

На нуле ничего не взрывается.

Сначала пропадает гул. Затем я слышу каждый отдельный звук: хрип Ратмира, плач женщины на верхней скобе, шипение ткани под камнем, собственное сердце. Накопитель делает последний глухой вдох и проседает ещё глубже. По дну ямы проходит тяжёлая волна. Она подбрасывает нас на несколько сантиметров, гасит багровый свет и выбивает из кирпичей пыль. Серебряный браслет за порогом трескается пополам.

Я лежу лицом в мокром шлаке, жду второй волны и считаю. Один вдох. Два. Три. Вместо взрыва сверху раздаётся раздражённый голос Краста:

— Кто разрешил прекратить подъём?

Ратмир всё ещё держит лестницу. Женщина добралась до мостка, но охранники не помогают ей выбраться; один только пятится от края, чтобы она не испачкала плащ. Лев сидит у

стены, баюкая руку. Двое каторжников живы. Савва стоит на коленях возле левой канавы и ощупывает плечо, которым поймал крюк. Семеро.

Я переворачиваюсь на спину и начинаю смеяться. Не громко и не от радости. Организм просто перебирает реакции и выбирает ту, для которой остался воздух. Савва подходит, останавливается надо мной. На его щеке прилипла чёрная крошка.

— Что смешного?

— Порядок подъёма соблюден. Никто не толкался.

Он смотрит долго, затем неожиданно протягивает руку. Я хватаюсь, Савва ставит меня на ноги и сразу отпускает, будто уже пожалел.

Перед глазами снова проступают буквы.

ОПЕРАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА.

ПОТЕРИ: 0 ИЗ 7.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРИНЯТА ДОБРОВОЛЬНО.

ДОПУСК 0: УЧЕНИЧЕСКИЙ.

ОТКРЫТО: ОСМОТР.

Следующая строка появляется медленнее, с неприятным ощущением, будто кто-то проводит холодным ногтем по внутренней стороне черепа.

ПРЕДЕЛ ОСМОТРА: ТРИ ОСНОВНЫХ СВОЙСТВА ОБЫЧНОГО ОТХОДА.

СМЕШАННЫЕ СЛЕДЫ СНИЖАЮТ ТОЧНОСТЬ.

Я провожу ладонью по лицу. Буквы не исчезают, пока не смотрю на остывающий камень и мысленно не отказываюсь читать. Тогда они сворачиваются в тонкую светлую черту и уходят куда-то за левый глаз.

— Ты назвал себя Орловым, — говорит Лев, пока Ратмир перевязывает ему кисть полосой рубахи. — Когда меня железом прихватило. Это у тебя ругательство такое?

Савва и остальные поворачиваются ко мне. После аварии люди обычно проверяют, все ли целы, а потом ищут того, кому можно отдать пережитый страх в виде благодарности или злости. Здесь благодарности не возникает: фамилия Ратникова лежит между нами тяжелее накопителя.

— Меня зовут Вадим. Пока достаточно.

— Его и раньше так звали. Ратниковым, вором. — Огромные руки Саввы медленно сжимаются. — Он тоже любил делать полезное, когда за ним смотрели.

Я отвечаю, что не знаю, что он сделал. «Зато мы знаем», — отрезает Ломов. В этот момент Краст велит втянуть лестницу. Ратмир успевает снять пояс со скобы; женщину наверху уводят, люк закрывается. Нас шестеро оставляют среди остывающего груза, будто происшествие подтвердило не ценность работников, а исправность оборудования.

На предплечье клеймо видно целиком: перечёркнутая ладонь, три насечки, старый ожог вокруг. Тело узнаёт знак раньше меня — плечи сами пытаются ссутулиться. Я заставляю их распрямиться. Не из гордости: человек, который прячет опасную метку, однажды обязательно забудет предупредить о ней других.

— Потом расскажешь, — говорю Савве. — Сейчас у Льва рука, у тебя плечо, а накопитель всё ещё тёплый и лежит в воде. Если его подцепят краном, может повториться.

— Отражатель расколот, — возражает он.

— Хорошо. Значит, случится что-нибудь новое.

Лев фыркает и морщится. Савва не улыбается, однако смотрит на накопитель: профессиональная привычка на короткое время оказывается сильнее ненависти.

Мы подходим к правой канаве. Бронзовая сетка почернела, герб ушёл в шлак. Я нахожу крюк, проверяю древко и касаюсь им корпуса. За глазом разворачивается тонкая черта.

НАКОПИТЕЛЬ ПОЛЕВОЙ.

ОСТАТОЧНАЯ ФУНКЦИЯ: ПРИЁМ РАЗРЯДА.

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ: НИЗКАЯ.

Третья строка дрожит, расплывается и вместо свойства выдаёт бессмысленный набор знаков. Смешанные следы. Система не врёт о своей слепоте, и это уже выгодно отличает её от большинства начальников.

— Не трогаем до остывания, — решаю я. — Крюк оставим поперёк канавы, чтобы сверху не зацепили вслепую.

— Решает он, — произносит один из каторжников, но без прежней злости. Скорее пробует фразу на вес.

Савва берёт крюк у меня из рук, сам укладывает поперёк стока и дважды проверяет, не касается ли железо бронзовой сетки. Это тоже не доверие. Право дать полезную команду один раз — ещё не право считать людей своими.

Под камнем в центральной протоке что-то стучит.

Сначала я принимаю звук за воду: после кипения она прорывается через шлак неравномерно, может двигать обломки. Но удары повторяются через одинаковые промежутки. Тук. Пауза. Тук. Я приседаю, прижимаю пальцы к влажному кирпичу и чувствую слабую вибрацию. Не механизм — слишком медленно. Не капля — слишком тяжело.

Савва замечает мой взгляд.

— Что ещё?

Я не отвечаю сразу. Стук идёт из-под слоя, который должен быть сплошным, из глубины старого полигона, куда только что ушла часть разряда. За глазом шевелится светлая черта Осмотра, но не раскрывается: то, что лежит внизу, либо слишком далеко, либо не считает себя обычным отходом. Лев подходит ближе, Ратмир кладёт здоровую руку ему на плечо и удерживает от края. Мы слушаем все вместе, пока под остывающим шлаком кто-то или что-то отбивает ритм человеческого сердца — спокойно, терпеливо, словно яма наконец получила именно то, чего ждала.

Глава 2. Без допуска

Лестницу сверху всё-таки опускают, но сперва в яму летит цепь с четырёхлапым захватом. Она ударяет рядом с моим ботинком и тянется к накопителю, который ещё лежит гербом в мокром шлаке. Краст распоряжается имуществом раньше, чем людьми. По крайней мере, приоритеты не прячет.

— Захват не цеплять, — говорю я машинисту наверху. — Корпус принимает разряд. Дадите железом замкнутый путь — получите его в лебёдку.

Машинист убирает руки с рычага. Серебряный перстень Краста вспыхивает; кольцо на моей шее сжимается и обдаёт кожу жаром. Тело Ратникова знает, что будет дальше, и пытается втянуть голову в плечи. Я заставляю их распрямиться.

— Ты получил приказ? — спрашивает Краст.

— Получил ожог. Приказ был глупый.

Вдоль ошейника проходит горячая игла, под челюстью пахнет палёной кожей, и в этот момент над полигоном воеет низкий гудок. Звук идёт от дальней башни и заставляет металл вокруг отвечать мелким дребезгом. Машинист отпатывается от рычага. Серые плащи на мостках переглядываются.

— Башня приняла остаток, — произносит Савва. — Теперь не спрячешь.

Краст отпускает перстень. По мостку уже идёт женщина в длинном рабочем сюртуке. Подол забрызган белой глиной, волосы собраны медной шпилькой, на левом запястье поверх перчатки намотан тонкий провод.

Она не спрашивает, что произошло. Смотрит на камень, расколотый браслет и накопитель; взгляд повторяет погасший треугольник.

— Кто разводил следы?

— Ранич, здесь шестеро приговорённых нарушили порядок подъёма и повредили принятую партию. Один признался, что командовал.

— Я спросила, кто разводил следы.

— Ратников.

Она впервые смотрит прямо на меня — на обожжённые рукава, мокрые штаны и крюк. Потом спускается, не дожидаясь разрешения охраны.

— Таисия Ранич, полигонный стабилизатор. Крюк положите.

— Если положу рядом с накопителем, он окажется частью контура.

— На сухой кирпич.

Я кладу. Она проверяет бронзовую сетку латунной вилкой, переставляет прибор к стоку и повторяет замер ещё дважды. Так проверяют люди, которые однажды уже поверили собственному расчёту.

— Остаток ушёл в землю? — спрашивает она.

— В мокрый шлак.

— Земля здесь проводит, а не принимает. В шлаке есть истощённая примесь, она связала наводку. Это называется гашением в инерте.

— У нас называлось заземлением.

— У вас — это где?

— Там, где после аварии сперва ищут виноватого, а потом схему.

Она поднимается к камню и снимает щипцами край обгоревшей куртки. Кирпич под решёткой всё ещё мягко светится.

— Почему не утопили?

— Трещина сквозная. Он бы вскипятил протоку.

— Почему оставили на решётке?

— Чтобы вода уносила тепло, не касаясь сердцевины. Поток пошёл к накопителю, пришлось забить соединение шлаком.

— То есть последовательность была другой.

— Последовательность была правильной. Исполнение один раз чуть не стало последним.

Лев тихо хмыкает. Таисия осматривает его руку, потом плечо Саввы. Моё самочувствие её не интересует.

— Вы разделили три функции без стабилизатора и не дали башне принять полный выброс, — говорит она. — Такое нельзя сделать случайно.

— Можно, если из остальных вариантов только один не убивает всех.

— Нет. Случайно в таких условиях умирают особенно убедительно.

Краст велит поднять людей и закрыть яму до прибытия городской Палаты. Таисия напоминает, что третья башня уже зарегистрировала сцепку: спрятать ночной всплеск не получится.

Нас выводят по одному. Ратмир идёт последним и задерживается у центральной протоки. Стука из глубины больше не слышно. Он касается стены двумя пальцами, смотрит на меня, но ничего не спрашивает.

За мостком лежат рельсы, весовая платформа и горы сломанных вещей под выцветшими флажками. У дальнего забора стоит чёрная башня; одна из медных полос на её боку ещё мерцает. Над крышами Нижнего Яра сереет рассвет.

Краст ждёт, пока охрана снимет с нас страховочные пояса, и указывает на люк:

— Ломова, Острова и остальных — в промывочную. Ратникова обратно. Приговор не отменён.

— Аварийная зона не принята стабилизатором, — спокойно говорит Таисия. — Он нужен мне для восстановления действий.

— Получишь запись охраны.

— Твоя охрана решила поднять накопитель железной цепью.

— Этот человек осуждён за кражу вторичного материала и содействие побегу. Сегодня он повредил имущество Дома Вересовых и сорвал приёмку. То, что падаль не сдохла от другой падали, не даёт ей допуска.

— Дом прислал реактивное и ратное в одной клетки, — говорю я. — Без действующей метки и перечня функций. Если ваши записи этого не заметили, они пригодятся только чтобы растопить чайник.

Краст делает шаг ко мне. Ратмир чуть сдвигается между нами, словно освобождает дорогу. Охрана на мостке берётся за жезлы.

— Он врёт, — произносит Савва.

— Ратников уже однажды рассказывал, что спасает смену, — продолжает Савва. — Сначала вынес два бруска чистого инерта из красного двора. Потом, когда его взяли, назвал Клима Рубежа и Матея Сороку. Сказал, они велели. Их увезли люди господина Краста. Четыре месяца ни письма, ни номера этапа. А Ратников получил работу полегче и ещё неделю ходил без кольца.

Теперь это произнесено при Таисии, которая может не забыть. Краст даже не моргает.

— Осуждённые были переведены по распоряжению владельца подряда. Ломов, хочешь обсудить их в яме?

— Нет, — отвечает Савва. — Хочу, чтобы этот не изображал чистого. Руки у него прежние.

Под клеймом всплывает чужая память: тяжёлый брусочек под рубахой, три серебряные монеты, прижатые языком к щеке во время обыска. Лиц нет, зато облегчение после названных имён — настоящее. Клеймо от чужой жизни светлее не станет.

— Я не чистый, — говорю Савве. — И оправдывать Ратникова не буду.

— Удобно говорить о себе в третьем лице.

— Удобно было бы соврать, что его подставили. Но он взял бруски. Я это помню.

Савва подходит вплотную. Я не отвожу глаз и не объясняю про другой мир, старое тело и белый цех. Требовать, чтобы незнакомые люди поверили в переселение души, — уже жадность.

— А имена? — спрашивает Савва.

— Не помню. Значит, проверить пока не могу. Если назвал — отвечать придётся мне. Не потому, что я прошу считать меня другим. Просто больше некому.

Старик бьёт без замаха. Кулак входит под скулу, мир дёргается, но я не падаю. Ратмир не удерживает его и меня не поддерживает. Здесь не драка, а расписка о получении.

— Это за Клима, — говорит Савва. — За Матея позже. Когда будет за что оставить тебя в живых.

Краст едва улыбается. Он уже знает, как запишет сцену: каторжники подтверждают опасность Ратникова, старший смены напал из-за давнего преступления. Все факты на месте, правды среди них нет.

Над воротами звякает сигнальная пластина. С улицы отвечает тяжёлый автомобильный клаксон.

— Смотритель, — говорит Таисия. — Теперь можешь бросить Ратникова в яму, Демьян. Только сначала объясни Никону Брагину, почему единственный человек, способный повторить последовательность, случайно оказался недоступен для опроса.

Краст велит отвести нас в промывочную и поставить у двери двоих. Яму он обещает сразу после разговора. Я верю: обещаний этот человек не забывает.

Промывочная устроена в длинной кирпичной пристройке рядом с баракком. Вдоль стены тянется дырчатая труба; из неё льётся вода цвета слабого чая и температуры вчерашнего трупа. Нам выдают по куску щёлочного мыла, велят раздеться и складывать одежду в железные короба. Охрана остаётся у двери, откуда хорошо видны наши спины и плохо — руки. Ратмир замечает это первым, подвигает Льва ближе к стене и развязывает его повязку.

Порез неглубокий, но края обожжены и посерели. Я прошу чистую ткань. Один из надзирателей смеётся, второй всё-таки бросает свёрток на мокрый пол. Савва поднимает его раньше меня, отрывает верхний загрязнённый слой, остальное кладёт возле Льва. Плечом он почти не двигает.

— Сядь, — говорю я ему.

— Командовать тебе разрешили в яме.

— Тогда стой и заработай воспаление. У вас его, наверное, называют производственной верностью.

Лев фыркает, тут же морщится от боли. Савва садится на перевёрнутый короб. Я ощущаю ключицу, прошу пошевелить пальцами, затем медленно поднять локоть. Перелома нет, сильный ушиб и, возможно, надрыв. В моём прежнем цехе я отправил бы его в травмпункт и запретил смену. Здесь травмпункт, судя по устройству полигона, начинается со слова «если».

— Где у вас лекарь?

— По чётным дням, — отвечает Лев. — Сегодня какой?

— После сцепки всегда нечётный, — бурчит Савва.

Ратмир находит в шкафу деревянную планку, оборачивает её тканью и делает Льву удобную опору под кисть. Движения у него скупые, привычные. На вопрос, где научился, отвечает: «Там же, где другие учились ломать». Больше не поясняет.

Таисия приходит без помощника. Снимает перчатки, кладёт на стол три предмета из ямы: осколок серебряного браслета, кусок бронзовой сетки и комок спёкшегося шлака. Охрана

хочет войти следом, но она закрывает дверь перед их лицами и оставляет верхнюю щеколду незадвинутой — формально не заперла.

— По одному, — говорит она. — Кто и что делал после появления световой связи?

Савва рассказывает первым. Коротко, без попытки помочь или навредить мне: где стоял камень, как тянули отражатель, почему он отпустил крюк, кто заваливал накопитель. Лев перебивает дважды, чтобы добавить важное, по его мнению: что я назвал точное время и что сам бросил нагревник ради его руки. Вторую подробность я бы исключил, но Таисия записывает именно её.

— Вы нарушили последовательность ради одного человека, — говорит она.

— Если бы пластина сомкнулась, накопитель получил бы проводящий панцирь. Тогда погиб бы не один.

— Вы знали это до того, как прыгнули?

— Нет. До того я видел восемнадцатилетнего идиота, который теряет кисть.

— Мне девятнадцать, — обижается Лев.

— Тогда случай гораздо тяжелее.

Таисия смотрит на меня поверх записи. Глаза у неё серо-зелёные, усталые, с мелкой красной сеткой от бессонной ночи. Взгляд не смягчается, зато Лев перестаёт стискивать зубы.

— Осмотрите сетку, — предлагает она.

Я тянусь рукой. Таисия накрывает осколок перчаткой прежде, чем пальцы касаются металла.

— Инструментом. Даже учеников этому учат.

— Меня не учили.

— Это заметно.

На столе лежат щипцы. Беру их и касаюсь бронзовой проволоки. За левым глазом разворачивается светлая черта. Теперь она слушается быстрее, словно авария объяснила правила лучше любой вводной лекции.

СЕТКА НАКОПИТЕЛЯ ПОЛЕВОГО.

ОСТАТОЧНАЯ ФУНКЦИЯ: УДЕРЖАНИЕ ФОРМЫ.

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ: НИЗКАЯ.

Третьего свойства нет. Вместо него дрожит серое пятно: к бронзе прилип след отражателя. Я моргаю и вижу, что вокруг моего запястья возникла тонкая светлая рамка — не в воздухе и не на коже, а словно между ними. Она охватывает старое клеймо вора и исчезает, когда убираю щипцы.

Таисия резко берёт меня за руку. Пальцы у неё холодные, хватка сильная.

— Что вы увидели?

— Сетка удерживает форму. Нестабильность низкая. Третье свойство не читается из-за чужого следа.

— Я не про сетку.

Она отпускает руку и оглядывается на дверь. Савва замечает это, Ратмир тоже; Лев вытягивает шею, но, к счастью, стоял сбоку.

— Потом, — говорит Таисия. — И больше ничего не касайтесь голой рукой.

— Я касался щипцами.

— Тогда держите их так, чтобы окно закрывала ладонь.

Снаружи стучат. Краст требует закончить опрос: смотритель Брагин ждёт объяснений. Таисия собирает осколки, но комок шлака оставляет на столе.

— Это инерт? — спрашиваю я.

— Истощённая смесь. До инерта ей две правильные операции и одна подпись.

— Подпись делает безопаснее?

— Подпись указывает, кого посадят, если не стало безопаснее.

Вот теперь местная система промышленной безопасности становится мне почти родной.

До смотрителя мы не доходим. На весовой платформе кричит женщина, а под её сапогами белеет железо.

На каменных весах застыл чёрный грузовик. Колёса покрыты инеем, кузов стянут брезентом с синими лентами, возница пятится к воротам и клянётся, что получил груз опечатанным. У застеклённой будки держится за косяк высокая женщина с тёмной косой. Лев называет её Аглаей. Лёд уже прихватил оба её сапога к платформе.

— Не дёргай ноги, — говорю я.

— Ценный совет, Ратников. Я как раз собиралась оставить их здесь и пойти обедать без них.

Она тянется к рычагу внутри будки, но дверца не открывается: по петлям ползёт белая корка.

Краст велит закрыть внутренние ворота, а вознице — убрать машину с весов. Таисия останавливается.

— Колёса примёрзли, — говорит возница.

— Срежем лёд.

— Не трогайте платформу металлом, — предупреждает Таисия. — Сохранный след уже перешёл на весы.

— Ранич, у тебя пять минут. Потом машина уходит за ворота. Мы не будем принимать вторую аварийную партию при городском смотрителе.

Слово «вторую» он произносит тише, но Никон Брагин уже выходит из административного корпуса и слышит. Невысокий мужчина в тёмно-синем пальто останавливается за границей инея и первым делом смотрит на башни. За ним остаются двое городских стражников и секретарь с красной папкой.

— Третья башня дала ночной сброс, — говорит он. — Теперь замерзает приёмка. Господин Краст, это у вас два отдельных происшествия или одно, которое научилось передвигаться?

— Первое вызвал осуждённый. Второе устраняет стабилизатор.

— Осуждённый вон тот, с обожжённым лицом?

— И с клеймом вора, — добавляет Краст.

Брагин замечает клеймо, затем Аглаю. Холод уже поднялся выше её подошв.

— Сначала снимите весовщицу, — говорит смотритель. — Потом расскажете мне, кого вы здесь удачно осудили.

Таисия бросает Савве медную пластину, но иней ползёт навстречу металлу быстрее, чем по камню. На ленте под брезентом вспыхивает узор закрытого глаза.

— Сохранная команда, — произносит Таисия. — Повреждённый грузовой обруч. Он удерживает состояние партии.

— Тогда откуда холод? — спрашивает Брагин.

— Берёт тепло из всего, что считает грузом. Платформа попала в область сохранения.

— А весовщица?

Таисия не отвечает сразу. Иней уже поднялся Аглае выше щиколоток.

— Тоже.

Я прошу у Саввы щипцы. Он смотрит на Краста: выдать инструмент каторжнику без допуска — отдельное нарушение.

— Ратников к работам не допущен, — напоминает он.

— Если Аглая лишится ног, в ведомости так и напиши, — отвечает Савва. — «Сохранены начальством».

Щипцы он протягивает рукояткой вперёд. Разрешение быть полезным ещё раз.

Ядвигаюсь к кузову по каменному бордюру, держась за ограждение; Ратмир страхует за ремень. У края ставлю на медную пластину щипцы. Светлая рамка появляется у запястья; прикрываю её пальцами и касаюсь инея.

СОХРАННЫЙ ОБРУЧ ГРУЗОВОЙ.

ФУНКЦИЯ: СОХРАНИТЬ ГРУЗ ДО ПЕРЕДАЧИ.

ПОЛУЧАТЕЛЬ: НЕ ОПРЕДЕЛЁН.

Осмотр показывает три свойства, но решения не предлагает.

— Что там? — спрашивает Таисия.

— Обруч сохраняет груз до передачи. Получателя нет.

— Я вижу функцию. Получатель должен быть указан на путевом листе.

Аглая коротко смеётся. Получается больше похоже на стук зубов.

— Путевой лист пустой. Номер партии есть, отправитель стёрт, получатель — наш первый двор. Я потому машину и остановила.

— Первый двор не может принять сохранный команду, — говорит Таисия. — Это место, а не тара.

— Артефакт с вами спорит, — замечаю я. — Он уже считает грузом весы и Аглаю. Значит, команда ищет не фамилию. Ей нужен предмет, который умеет принять передачу.

— Господин Краст, с этой минуты говорите только тогда, когда ваш голос снижает опасность.

На брезенте синие ленты свисают только с трёх сторон, а на заднем борту остались оборванные концы и чистый прямоугольный след.

— С машиной была тара, — говорю вознице. — Пустая. Примерно две ладони высотой, с синей лентой или медным замком. Где она?

— Не было ничего.

— След свежий, лента оборвана наружу. Сняли уже здесь.

— На воротах приказали убрать пустой короб, — признаётся он. — Сказали, полигон за тару вес не вычитает. Парень в сером плаще бросил его к возвратным клетям.

Краст обещает найти виновного, слишком быстро превращая приказ в самодеятельность безымянного подчинённого.

— Лев, где возвратные клетки? — спрашиваю я.

— За весовой, у белой стены.

— Не беги по рельсам. Обойди по камню. Ищи короб с синей лентой, медным замком и таким узором.

Я рисую знак пальцем. Лев срывается с места, но Ратмир заставляет его повторить безопасный маршрут. Парень обходит платформу по камню.

Аглая начинает заваливаться, но лёд держит ноги. Я упираюсь спиной в ограждение, Ратмир затягивает ремень на моём поясе, и я наклоняюсь над платформой.

— Правую руку!

— У меня обе правые, когда деньги считают.

Я хватаю её за запястье. Иней переходит на мой рукав, но Таисия накрывает светлую рамку перчаткой и вкладывает между нами костяную пластину.

— Не тяните её из льда, — говорит она. — Удерживайте корпус. Савва, клинья под каблуки, только костяные!

Таисия вгоняет костяной клин под сапог. Лёд трескается и тут же нарастает снова: обруч воспринимает повреждение как попытку испортить груз. По кузову проходит синий свет.

— Не ломайте! — говорю я. — Он возвращает состояние. Нужно закончить передачу.

— Нашёл! — кричит Лев с другой стороны двора.

Лев тащит за верёвочную петлю чёрный короб с медным замком и оборванной синей лентой. Обруч узнаёт его и тянется навстречу белыми нитями.

— Поставь на приёмный лоток! — командует Таисия.

Лев замирает.

— На какой?

— На вручальную плиту. Замком к машине. Не открывай короб.

До плиты два шага по инею. Савва тащит от ворот длинный деревянный багор.

— Верёвку сюда, — говорит он.

Лев привязывает петлю к багру. Савва с Ратмиром проводят короб над платформой, а Лев свободным концом верёвки гасит раскачивание.

— Ниже, — говорит Таисия. — Ещё ладонь. Теперь отпускайте.

Короб садится на плиту. Замок щёлкает, крышка приподнимается, узор на брезенте раскрывается. Иней с платформы тонкими иглами летит внутрь.

— Назад! — кричу я.

Белый поток обжигает холодом и заполняет пустую тару. Дерево трещит, затем крышка захлопывается, а синяя лента сама затягивается под замком.

ФУНКЦИЯ ЗАВЕРШЕНА.

Лёд перестаёт расти, но не исчезает: накопленный холод остаётся в материале. Таисия запрещает греть платформу. Аглаю освобождают костяными клиньями; подошва правого сапога остаётся во льду.

— Запишите потерю казённого имущества, — говорит она. — Один сапог. Износ девять месяцев. Причина — начальственная экономия на пустом коробе.

— Почему пустая тара оказалась получателем? — спрашивает он у Таисии.

— Обруч создавали не для холода. Команда ждала передачи в тару с парным знаком. Короб сняли, и она стала расширять понятие груза.

— Я спрашивал стабилизатора.

— Он ответил верно, — говорит Таисия.

— Машина пришла без перечня функций, отправитель стёрт, вручальную тару снял человек вашей службы, — перечисляет смотритель. — Весовщица остановила приёмку. Кто приказал продолжить взвешивание?

— Возница заехал самовольно.

— Я пробил нулевой вес до осмотра, — говорит Аглая, сидя на перевёрнутом ведре. — Машина заехала после. В журнале будет именно так, даже если господин Краст принесёт мне новый сапог.

— Два, — поправляет Лев. — Старый теперь разный.

Аглая смеряет его взглядом.

— Умный мальчик. Поэтому ведомости веду я.

Разбирательство проводят не в кабинете начальника охраны, а прямо в будке весовой. Брагин велит открыть обе двери, чтобы видеть платформу и не дышать чернилами вместе с шестью людьми. Аглая сидит у печки, завернув ноги в мешок. Таисия кладёт на стол свою запись аварии. Краст остаётся стоять, хотя стул свободен. Савву внутрь не зовут, но он устраивается снаружи у окна и слышит каждое слово.

Брагин спрашивает, сколько людей было в яме, кто открыл смешанную клеть, какая башня приняла остаток и где перечни партий. Краст отвечает коротко и почти везде правду. Из аккуратных деталей складывается картина, в которой никто конкретно не отправлял людей разбирать артефакты голыми руками.

— Теперь Ратников, — говорит Брагин. — Вы имеете подготовку артефактора?

— Нет.

— Стабилизатора?

— Нет.

— Допуск к реактивным отходам?

— Только тот, который господин Краст выдал, открыв над нами клеть.

Смотритель постукивает тупым концом карандаша по красной папке.

— Вы понимаете, что остроумие не является квалификацией?

— Да. Поэтому рассказываю не про остроумие. В первой партии три предмета усиливали друг друга. Мы развели их функции по разным носителям. Во второй команда сохранения осталась без получателя. Мы вернули тару и завершили передачу. Всё можно проверить по положению предметов, следам на платформе и людям, которые делали работу.

— Без разрешения.

— Разрешения не было. Опасность была.

Краст кладёт ладонь на спинку свободного стула.

— Осуждённый пытается превратить два нарушения в заслугу. Ратников уже пользовался доверием смены, чтобы красть инерт. Два человека исчезли после его показаний. Оставить его наверху — значит дать ему третью возможность устроить происшествие.

— Второе происшествие устроила ваша приёмка, — говорит Таисия. Её голос становится тише. — На платформе не было ни одного допущенного специалиста, пока поле не взяло весовщицу. Вы приказали водителю сдвинуть машину внутри сохранного контура. Если бы лопнула ось, обруч попытался бы восстановить её из платформы и людей.

Краст поворачивается к ней.

— Осторожнее, Ранич. Твоя подпись стоит под устройством всей приёмной схемы.

Она бледнеет едва заметно. Вместо ответа вытаскивает нижний лист своей записи, пересчитывает расчёт и поправляет одну цифру. Я вспоминаю, как она трижды проверяла вилку у накопителя. Краст ударил туда, где уже болело, и явно знал место заранее.

— Моя подпись означает, что за схему отвечаю я, — произносит Таисия. — Поэтому говорю: приёмка опасна и должна быть остановлена до ревизии первого двора.

— Остановить казённый полигон перед Праздником Основания? — Краст наконец садится. — Через три недели город утонет в возвратном ломе. Палата оплатит простой, смотритель?

Брагин откладывает карандаш. За окном Лев пытается незаметно подслушивать и одновременно держать руку выше сердца; Савва молча поправляет ему перевязь. На платформе иней начинает тускнеть, но чёрный короб всё ещё потрескивает, удерживая принятый холод.

— Полностью закрывать полигон я не стану, — решает Брагин. — У Палаты нет свободной площадки, а у города — лишних суток. Приём смешанных партий прекращается. Первый двор проходит аварийную ревизию. Госпожа Ранич, сколько времени?

— С нормальной сменой — не меньше недели.

— У вас нет нормальной смены.

— Поэтому честный ответ — десять дней.

Краст позволяет себе вдохнуть. Десять дней ему подходят: за это время можно заменить документы, вывезти нужное и похоронить ненужное глубже. Мне предлагают знакомый выбор между правильным сроком и сроком, после которого проверять будет нечего.

— Три дня, — говорю я.

Таисия смотрит на меня так, будто я сам попросил вернуть ошейник на горячий режим.

— Вы не видели первого двора.

— Видел сверху. Там нет разметки по поведению, вещи лежат по внешнему виду, проход к дренажу занят. За три дня можно отделить очевидно безопасное от непонятного и от того, к чему не подходим. Это не полная утилизация. Это способ перестать наступать на неизвестное.

— Три кучи? — спрашивает Брагин.

— Для начала. И журнал каждой перестановки. Если предмет меняет состояние от воды, тепла или соседства, он уходит из безопасного. Любой человек получает право остановить подъём, если не видит метку или понимает риск. Даже каторжник.

Краст качает головой.

— Он уже делит власть.

— Я делю расстояние между предметами. Власть можете оставить себе, если сумеете не складывать её в одну клетку с нагревателем.

Брагин прикрывает глаза и считает последствия. Если отдать мне три дня, великий дом спросит, почему смотритель доверил полигон вору. Если не отдать, следующая башня даст всплеск уже с его подписью. Он давно научился выбирать для карьеры допустимую дозу.

— Вадим Ратников получает временный рабочий допуск на трое суток, — говорит он секретарю. — Территория — первый сортировочный двор, весовая и путь между ними. Выход за ворота запрещён. Работа только инструментом, который выдаёт старший смены. Каждая операция отмечается в журнале. Стабилизатор вправе остановить его без объяснений.

— А охрана? — спрашивает Краст.

— Охрана вправе не мешать, пока нет прямого нарушения режима.

— Он осуждённый.

— Именно поэтому никуда не денется. Если за три дня двор не станет безопаснее, допуск прекращается, Ратников возвращается к исполнению приговора. Если станет, я решу, почему человек без подготовки дважды увидел функцию точнее вашей службы.

Секретарь выводит распоряжение на плотной серой бумаге. Краст читает через его плечо, замечает что-то, просит добавить наблюдение охраны. Брагин соглашается. Начальник выбирает молодого надзирателя с длинным лицом и аккуратно застёгнутым воротом.

— Ельцов будет при Ратникове постоянно. Записывай каждое касание, каждую команду и каждую ошибку. Особенно ошибку.

Ельцов достаёт дощечку и мел. Ошибки ему явно нравятся больше людей: они не спорят с формулировкой.

Савву зовут поставить знак старшего смены. Он входит, берёт карандаш больной рукой, перекладывает в здоровую и читает распоряжение до конца.

— Инструмент выдаю я? — уточняет он.

— Вы, — подтверждает Брагин.

— Тогда и забираю я. Если полезет без команды, сам сдам Красту.

— Согласен, — говорю я.

Савва ставит угловатую подпись. Карандаш возвращает секретарю, а мне протягивает щипцы, которыми я осматривал лёд. Рукоятка вперёд, губки сомкнуты. Три часа назад он хотел оставить меня умирать по очереди. Сейчас даёт инструмент. Между этими поступками нет дружбы; есть два случая, в которых я не бросил людей. На полигоне этого достаточно для начала смены.

Брагин уезжает после того, как опечатывает замёрзший автомобиль и забирает оба путевых листа. Краст провожает его до ворот. Таисия ждёт у весовой, пока вокруг нас остаются только Савва, Аглая и Ельцов, старательно изображающий глухую мебель.

— Ладонь, — говорит она.

Я показываю левую. На коже ничего, кроме чёрного воровского клейма, ожогов и свежей полосы от инея.

— При Осмотре появляется рамка, — продолжает Таисия. — Старое служебное окно. Последнее такое клеймо видели на мастере Вторичного круга тридцать один год назад, перед его смертью. После этого полигонных утилизаторов официально не существовало.

— Удобная профессия. Вакансии открываются редко.

— Не произносите это название при Красте. И тем более при человеке Дома Вересовых. Они разбирали архивы Круга тридцать лет и до сих пор ищут то, что не смогли найти тогда. Если увидят окно у каторжника, вас разберут быстрее любого артефакта. Осторожно, по частям и с правильно оформленными накладными.

— Вы откуда знаете, как выглядит клеймо?

Таисия застёгивает ящик. На медной защёлке выгравировано крыло над башней — тот же половинчатый герб, что был на армейском накопителе. Она замечает мой взгляд и поворачивает защёлку внутрь.

— Я умею читать старые схемы.

— А на Вересовых работали долго?

— Достаточно, чтобы советовать вам молчать.

Она уходит к платформе проверять напряжение металла. Вопрос не запрещает, просто оставляет без ответа. Ельцов пишет на дощечке: «Ратников расспрашивал стабилизатора о Доме». Быстрый человек. К концу первого дня у него получится прекрасная биография моего второго преступления.

Аглая выбирается из мешка, натягивает запасные войлочные туфли и ковыляет к будке. Я прошу журнал приёмки за последние трое суток: если первый двор нужно разделить, придётся знать хотя бы заявленный состав партий. Она отвечает, что каторжникам журналы не дают. Я кладу на стол распоряжение Брагина. Она читает, проверяет печать на свет, проводит ногтем по подписи, потом достаёт из нижнего ящика толстую книгу в чёрной промасленной коже.

— За пятно, вырванный лист или попытку исправить цифру сломаю вторую руку, — предупреждает она.

— У меня обе пока нужны.

— Тогда держи подальше от чернил.

Книга пахнет пылью, маслом и металлической стружкой. Строки идут плотно: номер партии, отправитель, вес, заявленная категория, отметка стабилизатора, подпись принявшего. Половина граф пустая, на нескольких страницах вместо состава стоит «лом бытовой смешанный», словно слово «смешанный» превращает незнание в классификацию. Ельцов становится у меня за плечом и переписывает номера, которые я задерживаю взглядом. Савва не уходит, хотя смена для него закончилась; сидит у двери и правой рукой медленно точит деревянную рукоятку багра.

Я нахожу вчерашнюю дату. Сознание Орлова появилось здесь меньше двенадцати часов назад, это я знаю точно: последний земной вечер ещё стоит во рту минеральной горечью. Но напротив партии номер четыреста семьдесят три — двенадцать брусков инерта, четыре корпуса сохраннных обручей, отправитель не указан — в графе приёмки уже выведено: «В. Ратников». Подпись косая, с оборванным хвостом у последней буквы.

— Это твоё, — говорит Аглая. — Сам вчера расписался. Ещё ругался, что вес не сходится.

Я беру карандаш. Не собираюсь ничего подписывать, только держу над полем, но пальцы сами складываются знакомым образом. Кисть тянет линию сверху вниз, хочет резко увести её вправо и оборвать на полуслове. Точно так же, как в журнале. Савва перестаёт точить рукоятку. Ельцов заглядывает ближе, готовясь записать признание, а я смотрю на собственную подпись, поставленную этим телом за сутки до моей смерти, и понимаю: начинать ревизию придётся не с трёх куч. Сначала нужно выяснить, какой груз прежний Ратников впустил на полигон, куда дел недостающий вес и почему в его памяти именно этого дня нет вовсе.

Глава 3. Три кучи

Карандаш висит над чужой подписью, а кисть всё ещё помнит движение, которого я не совершал. Если дать ей волю, она повторит косую черту и оборвёт последнюю букву тем же рывком. Я кладу карандаш поперёк страницы. В журнале партия номер четыреста семьдесят три выглядит безобидно: двенадцать брусков инерта, четыре корпуса сохранных обручей, вес, дата, подпись принявшего. Отправителя нет. Зато между заявленным весом и отметкой весовой разница почти в один брусок — достаточно, чтобы прежний Ратников ругался, но недостаточно, чтобы Аглая закрыла ворота перед грузом с печатью великого дома.

— Ты тогда сказал, что кузов неправильно взвесили, — вспоминает она, водя ногтем по строке. — Потребовал второй прогон. На втором разница стала ещё больше. Потом Краст пришёл, пошептался с возницей, и у тебя внезапно всё сошлось.

Савва перестаёт точить рукоятку багра. Ельцов, стоящий за моим плечом, успевает записать слово «пошептался», хотя Аглая произносит его без свидетелей и печати.

— В каком месте сошлось? — спрашиваю я.

— В твоей голове. На весах осталось как было. — Аглая переворачивает страницу и показывает узкую приписку у корешка. — Я разницу не стираю. Люди врут лучше чернил, поэтому пусть соревнуются на равных.

— Куда ушла партия?

— В первый двор. Четыре корпуса должны стоять у северной стены, бруски — в клетки чистого остатка. Должны, Ратников. Ночью там был Краст, двое грузчиков и ты. Утром одного корпуса не нашли, зато нашли твоё клеймо на воротах барака и тебя самого без памяти после драки.

Чужая жизнь не отвечает. Под клеймом возникает ощущение холодного металла во рту, потом пропадает. Ни лиц, ни двора, ни того, как один брусок потерялся между двумя взвешиваниями. Память Ратникова обходит этот день, словно вокруг него поставили ограду.

Дверь будки открывается от удара. Краст входит вместе с сыростью, забирает у меня распоряжение Брагина и прижимает ладонью к журналу.

— Трое суток начались, когда смотритель поставил печать. Ты уже потратил четверть часа на чтение. Если к вечеру двор не начнёт принимать грузы, вернёшься в яму до окончания допуска.

— Тогда журнал останется у меня.

— Журнал принадлежит полигону.

— И двор тоже. Хотелось бы впервые познакомить их.

Аглая закрывает книгу, не дожидаясь, пока начальник решит за неё. Пальцы у неё лежат на обложке спокойно, но войлочная туфля под столом постукивает по полу: правый сапог остался во льду, и настроение следом за ним.

— Книгу из будки не вынесу, — говорит она. — Номера продиктую. Если потеряете ещё один брусок, весы станут тяжелее ровно на тело виновного.

Краст смотрит на её перевязанную щиколотку, на Савву с больным плечом, на Льва, который держит забинтованную руку у груди. Ночная авария оставила ему удобную смену: каждый повреждён ровно настолько, чтобы ошибку можно было списать на усталость.

— Ельцов фиксирует все команды Ратникова. Ломов выдаёт инструмент и отвечает за ущерб. До полудня жду первую безопасную партию. Иначе в яму пойдёт не один человек.

Он уходит. Савва поднимается с короба, пробует плечо и морщится так, будто это движение совершил кто-то другой.

— Двор не видел, зато срок назначил, — произносит он.

— Значит, начнём с того, что увидим.

— Осмотром своим?

— Глазами. Они медленнее, но их можно выдать всей смене.

Первый двор занимает площадку между весовой, чёрной печью и двумя кирпичными стенами без крыши. Здесь свалены вещи, которые когда-то умели облегчать жизнь: печные заслонки, самозапирающиеся сундуки, медные гребни, ночные лампы, дверные скобы, детские игрушки, кухонная посуда и целые связки подошв, до сих пор пытающихся шагать без обуви. Их складывали по материалу и внешнему виду. Железо лежит с железом, бронза с бронзой, ткань набита в клетки, а поведение никого не интересовало, пока оно не становилось достаточно громким.

У входа нас ждут Ратмир и двое каторжников из ямы. Ещё пятеро работников утренней смены делают вид, что заняты: переставляют пустые тачки и поглядывают на меня. Над площадкой ходит мостовой кран. Захват висит над кучей домашней утвари и медленно поворачивается от ветра.

— Три кучи, — сообщает Лев, которому Аглая уже пересказала разговор. — Я всю жизнь ждал человека с тайным знанием. Есть шанс узнать, чем куча отличается от двора?

— Расстоянием между неприятностями. Ты сегодня ничего тяжелее мела не поднимаешь.

— Рука цела.

— Именно это и будем сохранять.

Савва приносит три старых древка с флажками: зелёным, жёлтым и чёрным. Цвета выгорели до таких оттенков, что зелёный легко принять за грязно-жёлтый, а чёрный — за старую кровь.

— Этими раньше отмечали категории, — говорит он. — Пока Краст не решил, что флаг портится быстрее работника.

Я ставлю зелёный у сухого возвышения рядом с воротами, жёлтый — за дренажной канавой, чёрный — у пустой карантинной клетки. Между ними оставляю проходы для багров и тележек. Ельцов записывает каждое движение, даже когда я ногой отбрасываю из прохода обломок чашки.

— Названия, — требует он.

— Неопасное. Непонятное. Не трогать.

Кто-то из работников смеётся. Лев кланяется флажкам здоровой рукой.

— Великая наука сортировки. А куда класть то, что сначала непонятное, потом опасное, а после обеда опять обычная кружка?

— Туда, где оно сможет передумать без свидетелей. В жёлтую. Зелёная куча — только для вещи, поведение которой мы проверили. Чёрная — всё, что реагирует на воду, тепло, железный захват или соседний предмет. Если сомневаешься, не угадываешь цвет, а зовёшь.

— Кого?

— Пока меня. Потом того, кто научится не стесняться сомнений.

Смех стихает не сразу. Местные знают пять настоящих категорий отходов и не собираются уважать три слова каторжника. Я не спорю. Прошу Савву вести захват, Ратмира — освободить периметр от тележек и людей, Аглаю — остаться у окна будки с журналом. Льву выдаю мерную верёвку, мел и велю отмечать на камне расстояние от каждой вещи до воды, стены и соседей. Он недовольно разглядывает моток.

— То есть я теперь рисую двор?

— Ты решаешь, дотянется одна ошибка до другой или нет. На верёвках умеешь вязать?

— Узлы я умею лучше букв.

— Тогда на зелёном шнуре один, на жёлтом два, на чёрном три. Ночью цвет бесполезен.

Ратмиру объяснять приходится меньше. Он оттаскивает зевак за линию, ставит у ворот пустую тачку поперёк прохода и возвращается ко мне.

— Если Краст потребует открыть путь?

— Потребуй письменный приказ.

— Не даст.

— Значит, путь останется закрытым. Ты уже понял местную магию.

Первый час мы почти ничего не двигаем. Савва опускает захват, но не замыкает лапы, пока я щипцами или багром не проверю край груза. Аглая выкрикивает номера партий из будки. Лев находит их на кольцах, доньшках и обрывках бирок, записывает мелом на камне, а Ельцов переносит в свою дощечку мои остановки, старательно пропуская причины. Ратмир держит проход. Никто не становится моим другом. Зато впервые у каждого есть работа, которую нельзя заменить приказом «быстрее».

Возле северной стены находятся три корпуса из партии четыреста семьдесят три. Четвёртого нет. Бруски инерта лежат в решётчатой клетки все двенадцать, одинаково серые, с ровными спилами. Я касаюсь щипцами двух крайних. Светлая черта Осмотра не разворачивается: у безопасного материала нет активной функции, за которую можно зацепиться. Савва замечает мой взгляд.

— Не показало?

— Нечего показывать. Пока считаем по журналу, весу и поведению.

— По поведению инерт лежит.

— Отличное качество. Проверим, умеет ли он делать это под дождём.

Над стеной уже висит низкая туча. Первые капли попадают на двор, и работники начинают торопить подъём: мокрый бытовой лом тяжелее, Краст вычитает разницу из выработки. Савва спрашивает, что с зелёной кучей. В ней стоят два ящика посуды, связка подошв, медные гребни и стопка гладких пластин, признанных безопасными ещё прошлой сменой.

— Ничего не накрывать, — говорю я. — Людей отвести на пять шагов.

— Решил утопить свою систему до обеда? — интересуется Лев.

— Хочу узнать, какую из трёх куч придётся переименовать.

Дождь усиливается. Сначала происходит мелочь: одна подошва дёргается и шагает по камню, волоча за собой связку. Следом на медном гребне поднимаются зубцы и начинают искать волосы. В ящике с посудой что-то звякает, крышка подпрыгивает. Гладкие пластины белеют по краям, вода на них исчезает с шипением.

Смех во дворе обрывается. Из ящика вываливается чашка, катится к канаве и на ходу нагревает дождевые капли до пара. За ней тянутся ещё четыре. Они не нападают и не взрываются; каждая просто выполняет последнюю бытовую команду, а вместе они уже сушат воздух над кучей и разогревают деревянное дно.

— Захват не опускать, — говорю Савве. — Железо нагреется вместе с лапами. Ратмир, проход к стоку свободен? Лев, жёлтый шнур вокруг пластин, не наступай в пар. Остальным багры и доски. Посуда — по одной, на мокрый песок.

— Она воду кипятит, — возражает работник.

— Поэтому песок мокрый, а не лужа глубокая. Тепло уйдёт порциями.

Савва подводит деревянную траверсу вместо захвата. Мы растаскиваем зелёную кучу без спешки, хотя за стеной Краст уже требует продолжить приём. Подошвы уходят в жёлтую зону: они двигаются, но не ищут человека. Пластины ставим ребром в мокрый песок на расстоянии локтя друг от друга. Гребни Ратмир накрывает грубой тканью, лишая их цели. Ящики посуды приходится разделить: половина предметов молчит под дождём, другая половина начинает греть, сушить или мешать воду невидимой ложкой.

Когда заканчиваем, от прежней безопасной кучи остаётся меньше половины. Лев проводит мелом новую границу и смотрит на работников, которые смеялись громче него.

— Три кучи, — говорит он. — Сложная наука. С первого раза не всем даётся.

— Запиши точнее, — велю Ельцову. — Двадцать семь предметов сменили категорию после контакта с водой. Зелёная зона была ошибочной до начала ревизии.

— Краст приказал фиксировать ваши ошибки.

— Вот и фиксируй. Я приказал оставить вещи под дождём.

Ельцов хмурится. Чужая ошибка ему нравится, только пока у неё одно имя. Савва опускает крановый захват над следующей клеткой и ждёт моего знака. Работники больше не смеются; один сам оттаскивает тачку с линии подъёма, второй просит у Льва жёлтый мел. Первый двор ещё опасен, зато теперь опасность хотя бы занимает место, которое можно обойти.

К полудню вода стоит в сапогах, голод отдаёт металлическим привкусом, а три кучи ползают по двору, как плохо воспитанные родственники. Зелёная уменьшается при каждом испытании. Жёлтая растёт быстрее остальных. Чёрную мы почти не трогаем: целые родовые знаки, движущиеся без цели предметы, запёртые корпуса и всё, что заставляет Осмотр отвечать серым пятном, остаётся за карантинной линией.

Таисия появляется после полуденного гудка. На ней сухой сюртук, но подол уже забрызган белой глиной — по дороге она успела проверить замёрзшую платформу. Она читает записи Аглаи, осматривает расстояния и останавливается у мокрых пластин.

— Кто отвёл тепло в песок?

— Песок предложил Ратмир, — отвечаю я. — Я хотел положить их на камень.

Ратмир пожимает плечом.

— Камень под ними трескался.

Таисия приседает, касается песка вилкой и кивает. Ельцов разочарованно стирает половину строки: чужая компетентность портит простую ведомость нарушений.

— Граница слишком близко к ткани, — говорит она. — Если пластины высохнут, начнут искать влагу в шерсти.

Лев молча переносит жёлтый шнур на два шага. Вчера он бы сначала спросил, почему не на один, сегодня проверяет натяжение и только потом спрашивает:

— Так?

— Так.

Мы берём следующую клетку. По журналу внутри дешёвые домашние вещи из фабричного квартала: грелки, накладки для кроватей, застёжки детской одежды. Деревянный ящик сгнил снизу, поэтому Савва поднимает его на ладонь и держит, пока Ратмир заводит под него доски. Из щели вываливается тряпичный заяц без головы, медное колечко и овальная грелка в стёганом чехле. На ткани вышиты два длинных уха. Предмет кажется мёртвым, даже дождь на нём не шипит.

— Жёлтая, — решаю я. — Отдельно от пластин.

Лев протягивает багор, чтобы подтянуть грелку к шнуру. Крючок цепляет петлю на чехле. Та распрямляется быстрее пружины, обвивает древко и скользит по нему к руке. Лев успевает выпустить багор, но грелка уже прыгает ему на грудь. Из овального корпуса выходят четыре мягкие ленты, охватывают спину и затягиваются под лопатками.

Парень валится на колени. Чехол набухает, прижимаясь к телу, и от него идёт запах горячей шерсти.

— Снимите! — Лев хватается за верхнюю ленту здоровой рукой.

— Руки убрал! — Я успеваю перехватить его пальцы. — Чем сильнее тянешь, тем крепче она держит.

Савва уже шагает к нам с багром. Я выставлю ладонь. У грелки нет зубов и лезвий, но кожа на шее Льва краснеет прямо на глазах. Под тканью раздаётся частое постукивание, похожее на чужое сердце.

— Она греет, — выдыхает Лев. — Вот уж неожиданность.

— Сколько лент?

— Четыре. Мне их пересчитать или назвать родственников?

— Дышать можешь — называй ленты. Ратмир, убери людей и освободи доску. Савва, нужна железная болванка длиной с предплечье, гладкая, без следа. И чем нагреть.

— Пластины, — говорит Савва, глянув на жёлтую зону.

— Одну на песке. Болванку сверху через доску. Не соединять металлом.

Таисия опускается рядом со Львом. Она не трогает грелку, проверяет пальцами кожу над воротом и велит парню считать вдохи. Я беру щипцы и касаюсь пряжки на нижней ленте. Светлая рамка охватывает клеймо.

ГРЕЛКА ДЕТСКАЯ. ПАМЯТНАЯ.

ФУНКЦИЯ: ПРИЖАТЬ И СОГРЕТЬ.

ЦЕЛЬ: ТЕЛО МАЛОЙ МАССЫ.

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ: СРЕДНЯЯ. ТЕПЛОВОЙ ПРЕДЕЛ УТРАЧЕН.

Слова исчезают за вспышкой чужого страха. Я всё ещё вижу двор, Льва и руки Таисии, но поверх них ложится тесная комната, в которой пахнет мокрой шерстью, молоком и лекарственной горечью. Кто-то маленький дрожит под одеялом. Женщина прижимает к нему тёплый овал и повторяет одно слово — не имя, не приказ, просто «дыши». Ей кажется, что если ослабить руки, ребёнок остынет навсегда.

Я сжимаю плечо Льва сильнее, чем нужно.

— Ратников, — тихо говорит Таисия. — Отпустите его.

— Он холодный.

— У него ожог, а не лихорадка. Смотрите на руку. Это Лев Туманов. Девятнадцать лет. Он стоит на коленях в первом дворе.

Чужая паника требует укутать его, прижать к себе, не позволить никому отнять. Разум знает, что грелка уже нагрела грудь выше безопасного. Тело верит запаху мокрой шерсти. Я разжимаю пальцы по одному и передаю Таисии щипцы.

— Лев, сколько лент?

— Четыре, — отвечает он, теперь без шутки.

— Где ты?

— На полигоне. Под вашей великой системой из трёх куч. Если сварюсь, требую перевести в зелёную.

Собственный голос возвращается вместе с раздражением.

— В жёлтую. Поведение непонятное.

Савва приносит железную болванку на широкой доске. Один конец уже нагрелся от пластины; дождь на нём превращается в пар. Ратмир снимает с Льва мокрую куртку, сворачивает вокруг металла и перевязывает рукава так, чтобы получился плотный свёрток.

— Горячо, — предупреждает Савва.

— Ей и нужно горячо. Только не подсовываем сразу. Таисия, грелка различает пульс?

— Серийные детские — по теплу и форме. Памятный след мог добавить что угодно.

— Значит, дадим ей знакомое тепло и не будем спорить с памятью.

Мы укладываем доску рядом со Львом. Болванка в его куртке касается нижнего края грелки. Ленты дёргаются, но не ослабевают.

— Нужно ближе, — говорит Таисия.

— Если полезем руками, она зажмёт его сильнее. Лев, ложись на бок к свёртку. Медленно. Прижми его локтем, будто сам греешь.

— Я должен обнять железо?

— Оно хотя бы не разговаривает.

Лев ложится, морщась от ожога. Ратмир поддерживает его спину, Савва двигает доску. Нагретый свёрток оказывается между грудью парня и овальным корпусом. Грелка замирает.

Частый стук под тканью сбивается, две верхние ленты ползут по куртке, ощупывая новую форму.

— Не дёргайся, — говорю я. — Пусть сама выберет.

— А если выберет меня?

— Значит, у тебя убедительная внешность болванки.

Лев хочет ответить, но воздух выходит из него разом: нижняя лента отпускает пояс. Ратмир вытягивает парня назад за плечи, Таисия придерживает грелку костяной вилкой. Все четыре ленты смыкаются вокруг свёртка. Железо внутри начинает гудеть; накопленное тепло теперь уходит в массу, которая не обгорает и не просит помощи.

Савва деревянным багром сталкивает доску на подготовленный песок. Мы ставим вокруг чёрный шнур с тремя узлами. Только после этого я позволяю себе сесть на мокрый камень.

Перед глазами снова проступают строки.

ВНУТРЕННЕЕ ЗАРАЖЕНИЕ: 8%.

АКТИВНЫЙ СЛЕД: МАТЕРИНСКАЯ ПАНИКА.

ПРЕДЕЛ САМОКОНТРОЛЯ: СОХРАНЁН.

Слово «сохранён» не успокаивает. Чужое чувство отступает, но запах молока остаётся во дворе, где его быть не может. Я смотрю на Льва и всё ещё хочу проверить лоб тыльной стороной ладони.

Таисия становится так, чтобы Ельцов не видел рамку на запястье.

— Что вы чувствуете?

— Желание укутать его и запретить выходить из дома до сорока лет.

— Это след. Не воспоминание целиком и не ваше решение. Назовите, что сделали.

Я киваю на чёрную зону.

— Сняли памятную грелку с человека. Передали функцию на нагретую железную болванку. Тепло осталось в металле. Предмет изолирован, операция не завершена.

— Почему не завершена?

— Мы ничего не разобрали, остаток не передали получателю и результат не подписали.

Она смотрит внимательнее. В этом взгляде нет одобрения; только проверка, которая закончилась без новой ошибки.

— Восемь процентов — немного, — говорит Таисия. — Пока это чужой запах, эмоция, бессонная ночь. Если начнёте считать их своими, цифра перестанет иметь значение раньше предела.

— Как снижается?

— Завершённым циклом. Но эту грелку сейчас трогать нельзя. Поэтому будете жить с чужим страхом до стабилизации.

Савва помогает Льву встать. Осматривает красную полосу на груди, поправляет перевязь руки и поворачивается к работникам.

— С этой минуты бегунок не лезет в груз даже багром без страховки. Кто даст ему команду — сначала объяснит мне, куда денется функция.

— А если команду даст Ратников? — спрашивает один из рабочих.

Савва смотрит на меня.

— Особенно если Ратников.

Лев кривится, но не спорит. Когда возвращается к мерной верёвке, Ратмир идёт рядом и держит свободный конец. Таисия остаётся возле грелки ещё на несколько минут, проверяя нагрев болванки с трёх сторон. Я замечаю: каждый свой расчёт она подтверждает лишним раз, а чужой — лишних два.

После грелки первый двор меняется быстрее людей. Работники перестают тащить вещи к ближайшему флагу и начинают называть действие: эта застёжка ищет петлю, эта лампа загорается от голоса, этот сундук замыкает всё, что положили рядом. Иногда они ошибаются, но ошибку теперь слышит вся смена до того, как над ней смыкается захват. Савва управляет краном голосом, щадя плечо. Лев размечает проходы и сердится, когда кто-то наступает на шнур. Ратмир возвращает тележки только после проверки. Аглая сверяет номера партий и из окна ругается точнее любого сигнального колокола.

К вечеру дренаж открыт, зелёная зона помещается на сухом возвышении, жёлтая растянута вдоль стены с промежутками, а чёрная заперта двумя пустыми клетями и поперечным багром. На бумаге это всё ещё три кучи. На камне появляется двор, где человек успевает увидеть опасность прежде, чем она касается соседа.

Партия четыреста семьдесят три не складывается. Три корпуса сохранных обручей находятся у северной стены, четвёртый не отзывается ни в одном журнале перемещения. Все двенадцать брусков лежат в клетки, однако Аглая, сверив старые весовые отметки, качает головой.

— Или один брусок пустой внутри, или в эту клеть добавили чужой, — говорит она. — По числу всё сходится. По весу — нет.

— Взвесим каждый отдельно.

— Весовая опечатана Брагиным.

— Тогда до завтра остаются поведение и размеры.

Я велю Льву обвести каждый брусок мелом прямо на полу и поставить номер по порядку. Он выполняет, не касаясь металла руками. Савва наблюдает молча, потом сам закрывает клеть на деревянный штырь. Небольшой шлакозуб высовывает голову из-под дренажного желоба. Существо размером с кошку покрыто серыми пластинами, между которыми тлеют красные точки. Оно принюхивается к клетке, но Лев бросает рядом кусок чёрного шлака.

— Шпунт, пошёл отсюда. У нас сегодня и без тебя зубастого хватает.

Шлакозуб ловит кусок, крошит его серебристыми резцами и исчезает в желобе. Ельцов записывает появление животного. Возможно, Краст поручил ему фиксировать и тех, кто не умеет оправдываться.

Следующая бирка приводит Аглаю к низкому контейнеру среди дешёвых домашних изделий. Внутри лежат дверные защёлки, гребни, футляры для грелок и несколько белых пластин с фабричными номерами. Сам контейнер старый, углы сбиты, зато медная печать на крышке цела: крыло над башней, полный знак Дома Вересовых. Таисия видит его с другого конца двора и подходит прежде, чем Аглая успевает позвать.

— Не открывать, — говорит она.

— По журналу обычный бытовой возврат, — отвечает Аглая. — Три дня назад. Отправитель — артель «Северная дуга».

— «Северная дуга» вывозит лом с фабрик Вересовых, — говорит Савва. — Ящики у них родовые, используют по десять раз.

Таисия проводит латунной вилкой возле печати, не касаясь металла. Тонкий провод на её запястье нагревается и темнеет.

— Ящик можно использовать повторно. Печать — нет. Перед вывозом её обязаны рассечь и закрыть нейтральным знаком мастерской.

— Почему? — спрашиваю я.

— Чтобы родовой контур не считал выброшенную вещь собственностью дома.

— И что он сможет сделать, если посчитает?

— Для дешёвых изделий — почти ничего. Позвать серийный ключ, подтвердить происхождение. Но правила написаны не для удобных случаев.

Она отвечает слишком быстро и после последней фразы снова проверяет провод. Ельцов тянется заглянуть через плечо; Таисия закрывает печать крышкой своей сумки.

Краст появляется у ворот, когда мы уже поставили вокруг контейнера чёрный шнур. Он смотрит на целый герб без удивления.

— Старая тара. В зелёную и на разбор. Нам нужен проход для вечерней партии.

— Полная печать запрещает обычный разбор, — говорит Таисия.

— Печать выдохлась.

— Тогда вы легко подпишете разрешение.

Краст переводит взгляд на неё. Говорит почти ласково:

— После сегодняшнего утра я бы не спешил собирать ещё одну подпись Ранич на неисправной схеме.

Таисия становится тише.

— Контейнер останется в карантине.

Я не вмешиваюсь. У неё есть местное знание, полномочие и причина защищать решение самой. Краст ждёт от меня шутки или приказа, который можно записать нарушением. Не получает ни того ни другого.

— До ночи освободить центральный путь, — распоряжается он Савве. — Все подтверждённые безопасные остатки поднять к возвратным клетям. Ратников отвечает головой за простой.

— Она уже в залоге, — говорю я, когда он поворачивается. — Выберите имущество, которое ещё принадлежит мне.

Краст останавливается, но не возвращается. Ельцов старательно записывает реплику. Таисия убирает сумку с крышки и ставит на целой печати меловой крест.

— Он знал, что знак цел, — произношу я.

— На полигоне Краст знает всё, что можно использовать против человека, — отвечает она. — С вещами у него хуже.

К концу дневной смены Савва сам объявляет крановщику новый порядок: без номера Аглаи, отметки Льва и его знака захват не замыкается. Моего имени в распоряжении нет, но каждую сомнительную вещь он приносит к жёлтому шнуру и ждёт, пока я касаюсь её инструментом. Это признание полезности, выданное мелкими полномочиями. Прощение сюда не входит.

Ночью двор освещают три фонаря и белёсое свечение Чёрной печи. Дождь прекращается, с крыши весовой ещё долго капает, а мокрый камень возвращает каждый звук: скрип колёс, кашель у барака, удар цепи о захват. Краст требует поднять безопасный остаток до рассвета, поэтому Савва остаётся у пульта, Ратмир держит проход, а Лев сидит на перевернутой клетки и переписывает дневные номера здоровой рукой. Аглая уносит журнал в будку, Таисия уходит стабилизировать грелку. Ельцов получает горячую похлёбку от охраны и впервые за день выпускает дощечку из рук.

Я успеваю задремать у стены минут на десять. Чужая материнская паника будит раньше цепи: кажется, что Лев замёрз. Он сидит в двух шагах, ругается с мелом и явно жив. Я закрываю глаза, называю про себя двор, операцию и предмет, но запах молока не уходит. Восемь процентов умеют ждать.

Крановый привод начинает гудеть. Савва подводит захват к низкому контейнеру у карантинной линии. С пульта крышку закрывают лапы, а в свете трёх фонарей все старые ящики одинаково черны; Савва видит только зелёный флаг возле груза.

— Стой! — Я вскакиваю и едва не падаю: ноги затекли, ошейник тянет шею назад.

Савва держит ладонь над рычагом. Лапы захвата уже обхватили крышку, цепь натянулась, но контейнер ещё не оторвался от камня.

— Он в зелёной, — говорит крановщик наверху.

— Флаг зелёный. Шнур чёрный.

Я подхожу, не пересекая линию. На верёвке под древком три узла. Лев вязал их днём, чтобы ночью цвет не решал за человека. Теперь на чёрном шнуре висит зелёная ткань, а у клетки с брусками виднеется чёрный флаг.

— Захват раскрыть и вверх, — говорит Савва.

— Уже держит, — отвечает машинист. — Печать за лапу взялась.

Медный знак на крышке светится изнутри. Одна лапа захвата побелела у шарнира. Если рвануть, контейнер либо уйдёт за краном, либо оставит родовой контур в металле фермы.

— Не тянуть. Ослабляй цепь на одно звено, — говорю я. — Ратмир, деревянные клинья под лапу. Савва, чем размыкается захват без обратного хода?

— Боковым пальцем. Справа.

— Железный?

— Костяной. Я не совсем выжил из ума.

Ратмир ставит клин, Савва медленно отдаёт цепь. Лапа опирается на дерево, нагрузка с шарнира уходит. Лев протягивает длинный костяной палец, но сам за шнур не заходит; передаёт Ратмиру. Тот нажимает боковую скобу. Захват раскрывается, печать гаснет, а в ящике что-то тяжело переворачивается. Ни взрыва, ни света. Только одна белая пластина под крышкой стучит, словно запомнила, что её хотели поднять.

Савва отводит захват к стене и спускается с пульта. Проверяет три узла, потом остальные флаги. Жёлтая ткань оказалась на зелёном шнуре, чёрная — на жёлтом. Поменяли все три, чтобы случайность выглядела убедительнее.

— Кто подходил к флагам? — спрашивает Ратмир.

Работники переглядываются. Ельцов ставит миску на землю и хватает дощечку.

— Я отходил к воротам на девять минут. До этого разметка соответствовала записи.

— Ты должен быть при мне постоянно, — напоминаю я.

— При вас. Вы спали у стены. Флаги не входят в объект наблюдения.

— Теперь входят, — говорит Савва. Он произносит это негромко, и Ельцов всё равно отступает на шаг. — Запиши: ночной подъём остановлен Ратниковым до касания груза. Причина — намеренная подмена маркировки.

— Намерение не доказано.

— Три ткани сами не переоделись.

Ратмир закрывает ворота тележкой и никого не выпускает. Савва велит снять все флажки и оставить только узлы с дощечками. Лев переписывает номера заново, уже без шуток. Первый двор, который к вечеру начал походить на рабочее место, снова превращается в место преступления.

Из дренажного желоба доносится хруст. Шпунт выбирается на мокрый камень, отряхивает серые пластины и идёт к клетки с брусками партии четыреста семьдесят три. Чёрная ткань возле неё чужая, но шлакозуб цветов не различает. Он просовывает морду между прутьями и впивается резцами в край шестого бруска — того самого, который Лев обвёл мелом и который весь день лежал среди признанного безопасным инерта.

— Отгони, — говорит Ельцов. — Имущество портит.

Лев не двигается.

— Чистый инерт Шпунт не ест.

Шлакозуб откусывает серую стружку, давится и чихает. Из ноздрей вылетают чёрные искры, прожигают на мокром камне две круглые отметины и гаснут только в воде. Савва смотрит на брусок, потом на меня; в его руке медленно поднимается багор. По числу партия сходится, по весу — нет, а теперь один из безопасных слитков кормит живое пламя. Кто-то не просто переставил флаги: опасный металл провели через весы, журнал и чужую подпись так, чтобы он лёг в самом доверенном месте первого двора.

Глава 4. Мусор не бывает ничей

Шпунт чихает второй раз у клетки. Чёрные искры бьют между прутьями, находят мокрый след от сапога Ельцова и бегут по воде к жёлтой зоне. Я успеваю опрокинуть пустую тачку: колесо падает в канаву, перерубает дорожку, и разряд гаснет в ржавой луже, не дотянувшись до пластин. Шлакозуб шарахается от собственного носа, ударяется боком о решётку и снова лезет к шестому бруску, будто там пахнет мясом, а не способом похоронить первый двор вместе с журналом приёмки.

— Лев, чёрный шнур вокруг клетки. Ратмир, людей к стене и проверь воду под ногами. Савва, захват не опускай.

— Он и не поднят, — отзывается Савва. Багор в его руке уже направлен на работников, которые собрались отгонять Шпунта сапогами. — Животное не трогать железом. Кто пнёт — полезет за ним сам.

Лев обводит клеть по старому мелу, забинтованную руку держит у груди. Аглая высывается из окна весовой с журналом под мышкой и требует номер бруска. Ельцов записывает всё, кроме того, как сам едва не отнёс искру подошвой в опасную кучу.

— Шестой, — отвечает Лев. — Тот, что легче соседей на полпальца и тяжелее на две дурные мысли.

— По весу теперь тоже определяешь?

— По лицу Ратникова.

Шпунта выманиваем к дренажному желобу куском чёрного шлака. Ратмир опускает перед ним деревянный короб без дна, Лев задвигает сбоку доску, и маленький зверь принимается грызть угощение, время от времени фыркая серым дымом. На надкушенном бруске открылась узкая чёрная жила, которой у инерта быть не должно. Она пульсирует слишком ровно для остывающего металла.

Савва сам выбирает щипцы с длинной рукоятью, проверяет шарнир и упирает Ельцову древко багра в грудь, когда тот подходит ближе.

— Мне велено видеть каждое действие Ратникова.

— Види из живого места.

Я просовываю щипцы между прутьями. Целая часть бруска молчит, зато у надкуса светлая рамка обхватывает клеймо, и перед глазами проступают строки.

ОБОЛОЧКА: ИСТОЩЁННЫЙ МЕТАЛЛ.

ВНУТРЕННИЙ СЛЕД: НЕ ОПРЕДЕЛЁН.

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ПОСЛЕ НАРУШЕНИЯ: РАСТЁТ.

Осмотр не говорит, чем наполнена оболочка и кто положил её среди безопасного материала. Я убираю щипцы; чёрная жила перестаёт расширяться, но назад не затягивается.

— До укуса держался спокойно, теперь отзывается на металл. Оставляем здесь, изолируем воду и свет, ждём Таисию.

— Переложим в красный двор, — предлагает работник.

— Железным захватом через рельсы и две башни? Так мы проверим весь полигон сразу.

Краст приходит раньше стабилизатора. Два охранника показывают ему прожжённые отметины и объясняют, что зверь испортил казённый инерт. Начальник смотрит на надкус без удивления и приказывает забить Шпунта, а брусок утром поднять вместе с партией.

— Это не инерт, — говорю я. — По меньшей мере не целиком.

— Шпунт обнаружил подмену. До осмотра Брагина останется в коробе. Потом решайте, кого здесь забивать за порчу имущества.

— Твоя задача — освободить двор, а не придумывать категории.

— Категория старая. «Не трогать». Сегодня уже пригодилась.

Краст приседает возле мелового контура, не заходя за него. Мои плечи сами пытаются втянуть голову: тело Ратникова узнаёт серебряный перстень раньше меня. Я заставляю шею разогнуться и прошу усилить западную стену. Савва подтверждает: под старым эфиропроводом есть слепая зона третьей башни, а ночью кто-то уже менял флаги.

— Никто не полезет на казённый полигон ради испорченного бруска, — отвечает Краст. — Караульные останутся у ворот. Общий сигнал не поднимать без подтверждённого проникновения.

— Тогда дайте ещё четверых во двор.

— У тебя есть Остров и старший смены. Или временный допуск сделал из тебя полководца?

— Нет. Просто в темноте двое остаются двумя.

— Значит, не начинайте драку.

Он смотрит при этом на Савву. Охранники уходят следом; один поправляет эфирный карабин и оглядывается на западную стену. Оба услышали не запрет тревоги, а разрешение подождать, пока нарушители окажутся среди работников.

Таисия накрывает надкус глиняной пластиной с костяными стяжками. Тонкий провод на её запястье темнеет в сторону дворовых фонарей.

— След ищет работающий контур, — говорит она. — Светильник, захват, карабин. Любой ритм.

— Насколько плохая идея выстрелить рядом?

— Я бы сначала выбрала наследника для вашей должности.

Она пишет на дощечке Ельцова запрет разряда и ставит подпись. Теперь у здорового смысла есть человек, которого можно наказать за ошибку.

Поверх первой обоемы Таисия ставит второй костяной щит и проверяет его работающим фонарём. Чёрная жила больше не шевелится от слабого контура. Медленный ход цепей она выдержит; прямой разряд карабина — нет.

Под эфиропроводом башенный свет оставляет тёмную полосу шириной в человека. Каждые одиннадцать секунд медная дуга перескакивает через водосточный лоток, не касаясь земли. Ниже на кирпиче выцарапаны три косые насечки. Клеймо зудит; пальцы сами находят расшатанный камень и открывают нишу. Внутри лежат пустая костяная трубка и два зерна чистого инерта. Тайник прежнего Ратникова. Тело помнит ширину щели, хотя сознание не даёт ни одного лица.

— Ратников менял здесь мелочь на табак, — говорит Савва, раздавив зерно деревянной лопаткой. — Если идут за брусом, вести будет тот, кто знает проход и метки.

Пыль на верхнем краю ниши сорвана недавно. Из-за стены доносится три коротких царапающих звука, пауза и ещё два. Снаружи отвечают тем же. Ельцов смотрит на ворота, куда ушёл Краст.

— Приказ не поднимать сигнал остаётся.

— Отлично. Будем тихими.

У жёлтой стены лежат три возвратные цепи от грузовых платформ. После открытия замка они сами ползли к барабану, чтобы рабочий не собирал тяжёлые звенья руками; барабаны давно сняли, а привычка осталась. Савва показывает костяные чеки и пазы в камне. Два боковых паза мы переводим деревянными клиньями в пустые коридоры. Ратмир ставит тележки так, чтобы между ними осталась узкая дорожка к весовой. Лев тянет вдоль неё зелёный шнур с одним узлом; на боковых оставляет по два и три. Ночью цвет бесполезен, зато наши узнают путь пальцами.

Савва трижды проверяет, не достанет ли левая цепь до клетки с брусками. Ратмир проходит центральную дорожку с закрытыми глазами и один раз цепляет плечом тележку; молча переставляет её на ладонь дальше. Аглая остаётся у журнала и запирает чернильницу в ящик,

словно сборщики полезут через стену именно за ней. Никто не спрашивает, верю ли я в собственную схему. Здесь доверие пока измеряется проще: Савва разрешает вынуть чеки из опасного железа, Ратмир соглашается стоять там, куда мы выгоним чужих, а Лев после короткой ругани остаётся у весовой. Если ошибусь, каждому достанется отдельная причина меня ненавидеть.

— Они пойдут на свет, — говорит Аглая.

— Света не будет.

Три фонаря питаются от кассет в каменных основаниях. Выдернуть кассету нельзя — она выбросит заряд в ближайший металл, поэтому Таисия велит одновременно закрыть медные глаза на стойках и прижать накопители к мокрому песку. Она берёт один фонарь, Савва второй, третий достаётся мне.

— Лев, после темноты сидишь у весовой.

— Я могу вести шнур.

— С места.

Чужая материнская паника одобряет приказ так сильно, что хочется отменить его из упрямства. Не отменяю. Восемь процентов не должны командовать ни в одну сторону. Ратмир встаёт в конце прохода с деревянной жердью и крышкой короба на предплечье.

— Если дойдут по одному, места хватит, — говорит он.

— Дойдут. Остальных займёт имущество.

Башня проходит над лотком. В щель сначала просовывается рука, затем тонкий человек подтягивается на трубе и опускается во двор. Следом входят ещё пятеро; последний ниже остальных и цепляется курткой за кирпич. На сборщиках тканевые маски и войлочные подошвы, инструменты костяные. Подготовлены к полигону лучше его охраны.

Проводник сразу касается насечек и идёт к тайнику. Не ищет — знает. На мостке уже показались два карабинщика. Они видят чужих и не поднимают тревогу. Один кладёт ствол на ограждение, второй ждёт, поглядывая в сторону административного корпуса.

Тонкий не находит в нише ожидаемого и показывает два пальца к клетке четыреста семьдесят три. Двое идут к брускам, остальные — к возвратным остаткам. Подросток остаётся у стены с мешком. Они пришли не за случайным металлом.

— Сейчас, — тихо говорит Таисия.

Мы втроём закрываем глаза фонарей. Свет сжимается в белые точки, греет рукояти и уходит в песок. Двор проваливается в темноту; остаётся только белёсое сияние Чёрной печи и обход башен наверху.

— Ратник? — шепчет проводник. — Ты метку сменил? Вторая плита, как всегда.

Голос мне незнаком, зато левое плечо само хочет повернуться к северной клетке. Там, между корпусами сохранных обручей, тоже есть тайник. Сборщик замечает движение.

— Савва, левая.

Чека выходит. Цепь вздрагивает, сходит по клину в боковой коридор и начинает скрести камень. Двое сборщиков шарахаются на центральную дорожку. Человек у клетки просовывает костяной лом под деревянный штырь.

— Открой, Ратников. Твоя доля внутри.

— Моя доля сегодня — не поднять двор на воздух.

Вторая цепь идёт справа, стягивает пустую тележку поперёк прохода и едва не ловит ногу одного из воров. Тот режет войлочную обмотку, оставляет её звеньям и пятится к центру. Над головой щёлкает карабин. Серебряный ствол ловит свет башни.

— Оружие вверх! — кричу я.

За стрелками появляется Краст.

— Бить по ногам. Полигон переживёт.

— Мокрый камень связан с двадцатью семью реактивными предметами, — отвечает Таисия, и её голос становится тише. — Выстрел войдёт во все работающие контуры.

— Обеспечь гашение.

— Дайте пустой носитель для разряда размером с двор.

У Краста такого нет. Есть два стрелка, шестеро сборщиков и надежда, что после вспышки никто не разберёт, кто убил кого. Стволы он не опускает, но приказ не повторяет.

Один карабинщик всё-таки переносит палец на спуск. Чёрная жила под глиной отвечает ему слабым багровым светом, а в жёлтой зоне одна из высушивающих пластин поднимается на ребро. Таисия не оборачивается к стрелку — только говорит, что второй признак будет последним предупреждением. Ствол медленно уходит вверх. Краст видит это и запоминает, кто именно в его охране предпочёл неповиновение общей могиле.

Проводник пользуется паузой, выбивает штырь и вытаскивает из-под второй плиты маленький свёрток. Я велю Савве опустить раскрытый захват за его спиной, отрезая западную стену. Подросток бросает мешок и бежит к своим, поперёк правого коридора. Через два шага возвратная цепь окажется у него под коленями.

— Стой! Нога вверх и назад по своему следу!

Он поворачивается. Под маской совсем молодое лицо. Чужая паника в груди требует схватить, укутать и не отпускать. Я называю про себя двор, цепь и расстояние, затем бросаю ему зелёный шнур.

— По верёвке! Один узел — безопасно!

Проводник хватается парня за ворот и толкает перед собой, проверяя Ратмира чужим телом. Ратмир не бьёт: ловит подростка, разворачивает за спину и принимает на крышку короба костяной лом следующего сборщика. Дерево трескается. Ратмир подсекает нападавшего колено и укладывает на камень без размаха, будто закрывает тяжёлый ящик.

Теперь чужие понимают устройство двора. Два боковых пути перекрыты цепями, западная стена — захватом, свет башни режет лаз каждые одиннадцать секунд. Свободен только центральный проход, в конце которого стоит Ратмир. Савва не до конца выдёргивает третью чеку; дребезга у зелёной зоны хватается, чтобы двое отказались искать новый путь. Один идёт на Ратмира, второй пытается перелезть через тележку, но Лев из будки натягивает шнур на уровне груди и сбрасывает его обратно.

Проводник ныряет вдоль приоткрытой клетки, выдёргивает прут, который держался без верхней скобы, и выскальзывает к северной стене. На бегу бросает свёрток подростку, но того уже держит Ратмир. Я оказываюсь между Тонким и лазом. Он быстрее, я тяжелее и на секунду забываю про ошейник. Костяная рукоять входит под кольцо, металл впицается в гортань. Я ловлю запястье, получаю коленом в бедро и врезаюсь спиной в щит реактивной клетки. Чёрная жила внутри отвечает багровой вспышкой.

— Не касайтесь металла! — кричит Таисия.

Совет хороший, особенно когда тебя прижимают к нему лицом. Я ухожу вниз и цепляю проводника за пояс. Он режет ремень, оставляет мне пустую полосу, падает на живот и скользит под лапой захвата в узкий сток. Ратмир мог бы бросить подростка и перехватить. Не бросает.

Двое сборщиков поднимают руки, третий лежит и держится за колено, ещё двое ушли под трубой. Краст спускается с мостка только теперь, с четырьмя охранниками. Общая тревога так и не прозвучала.

— Остров, передай задержанных.

Ратмир отдаёт взрослого. Подростка оставляет за спиной.

— Этот не задержан, — говорю я, разминая горло. — Он груз, которым в нас бросили.

— Мне семнадцать, — сипит парень. Маска сползла на подбородок, над губой кровь. — И я сам пришёл.

— Тогда плохо кормили меньше, чем кажется.

Краст требует свёрток и приказывает сломать мальчишке пальцы, когда тот отказывается. Ратмир смотрит на меня: не просит защитить, ждёт команды, за которую не придётся отвечать одному.

— Не трогать.

— Вот и прежний Ратников, — улыбается Краст. — Свои люди за стеной, тайники в кладке, товар в клетки. Хорошо, что Ельцов пишет.

— Он пишет и про стрелков, которые ждали приказа, про запрет тревоги и про ваш выстрел возле реактивной клетки. Если парень уйдёт к городской страже, добавит, кто наблюдал с мостка.

Краст смотрит на Таисию. Та подтверждает: разряд остаётся возможен, карабины нужно убрать. Охранники опускают стволы.

— Чего ты хочешь?

— До рассвета осмотреть свёрток и вернуть двор в состояние, которое можно показать Брагину. Остальные задержанные ваши.

— А после?

— После решим, кто сильнее боится городской записи.

Перстень Краста касается моего ошейника, металл нагревается, но контур он не замыкает. За его плечом Савва держит багор большой рукой, Таисия стоит у клетки со своим запретом, Ратмир закрывает подростка половиной шага. Для мятежа мало. Для удобного наказания уже много.

— До рассвета, — говорит Краст. — Потом мальчишка мой.

— До рассвета двор мой. Так решил смотритель.

Подростка зовут Сенька Ворон. Он живёт в Нижнем Яру над мастерской, где чинят дверные замки без лицензии и кости без особого успеха. Это выясняется после кружки холодной воды; от похлёбки Сенька отказывается, уверенный, что полигонная еда заставляет говорить правду. Лев объясняет, что для этого её сначала пришлось бы научить отличать правду от репы.

В мастерской у Сеньки работают мать и старшая сестра. Чистый инерт они покупают у перекупщиков втрое дороже, чем полигон получает за него от городских подрядчиков. Без тонкой инертной пластины замок с контуром нельзя чинить на столе: остаток уходит в руки мастера. Месяц назад сестра потеряла два пальца, после чего Сенька решил, что платить за безопасность больше нечем. Тонкий предложил ему одну ночную ходку и долю, которой хватило бы на десяток пластин.

— Значит, полез за брусом ради семьи? — спрашивает Лев.

— Полез, потому что хотел заработать. Семья — это то, чем взрослые украшают глупость после того, как их поймали.

Ответ мне нравится больше удобного раскаяния. Савва тоже слышит, но лицо остаётся жёстким.

В свёртке лежат три кусочка чистого инерта, бронзовая застёжка, обломок жетона и сложенная вчетверо карта на промасленной ткани. За дверью Краст допрашивает взрослых так тихо, что слышны только редкие удары. Сенька каждый раз прикладывает к пустой кружке.

— Тонкий говорил, Ратник снова работает наверху, — рассказывает он. — Значит, места целы. Он знал плиту, стену и минуту между башнями.

— Там одиннадцать секунд.

— Снаружи дольше кажется.

Савва требует название артели. Сенька отвечает, что они вольные и берут ничейное: Дом выбросил, город привёз, полигон бросил под дождём.

— Чей это мусор?

— Того, кого он убьёт, если ошибиться, — отвечаю я. — Мусор не бывает ничей. Можно отказаться от вещи, но не от того, что она сделает после тебя.

— Красиво говоришь для вора.

— Поэтому не верь словам. Смотри, куда мы положили брусок.

Сенька косится на двойной щит и кладёт ладонь на карту.

— Отдам — Краст всё равно заберёт.

— Не отдам тебя Красту. Карта в обмен на проход до городских ворот.

— Ты можешь его остановить?

— Нет. Могу сделать так, чтобы ему стало дорого.

Я поворачиваю дощечку Ельцова и велю записать условия вместе с отказом Краста поднимать тревогу. Надзиратель напоминает, что у меня нет права освобождать задержанных. Сенька перебивает:

— Краст видел нас с мостка. Тонкий показал ему рукой.

Парень проводит большим пальцем поперёк ладони. Не приветствие — местный знак свободного пути или обещанной доли. Ельцов говорит, что он врёт. Возможно. Поэтому мне нужна карта, а не признание после ударов.

На ткани чёрными линиями отмечены трубы, ливневые каналы и заборы фабрик; красными — места, где груз меняет бирку; синими — возвратные артели. Возле стрелок стоят номера партий. Один соответствует четыреста семьдесят третьей. От первого двора путь идёт к сухому стоку, а там раздваивается: к «Северной дуге» и под Чёрную печь.

Савва забирает карту и ведёт пальцем в потемневший от масла угол. Там записано: «Партия 118. Сердечник годен. Возврат через сухой лоток». Ниже — дата четырёхлетней давности и знак красного двора.

— Эту партию сожгли, — говорит он.

— Здесь написано «возврат», — отвечает Аглая.

— Я умею читать.

Пальцы Саввы остаются на номере.

— Что было в партии?

— Тягловые сердечники с северной фабрики. По бумагам истощённые. Один проснулся под захватом и потянул к себе железо со всего красного двора. Мой сын стоял на площадке. Мирон, двадцать два года. Через три дня Краст показал акт: партия уничтожена, остаток приняла Чёрная печь. Внизу расписался Ратников.

Савва рассказывает это, не меняя голоса. Только больное плечо неожиданно опускается, будто четыре года держалось выше именно из-за той цепи. Мирон успел вытолкнуть машиниста из кабины, а сам остался между ограждением и захватом. Тела семье не отдали: в акте написали «заражение родовым следом» и сожгли рабочую куртку вместе со шкафчиком. Савве досталась квитанция за утилизацию личных вещей сына. Он до сих пор знает её номер.

Чужая память снова обходит нужный день. Тело знает тайники и условные знаки, но смерть Мирона Ломова не даёт даже запаха.

— Карта не говорит, кто приказал вернуть сердечник.

— Зато говорит, что он не сгорел.

Сенька видел красную спираль с карты на ящиках у сухого стока. Тонкий запрещал их трогать: забирали не сборщики, а люди Дома. В этот момент Краст входит в весовую и требует Ворона в карцер, карту — себе.

— Нет, — говорит Савва.

Одно слово. Он не заслоняет Сеньку и не угрожает; просто кладёт ладонь на номер партии. Ещё час назад отпускать вора казалось ему слабостью. Теперь на ткани лежат четыре года правильно оформленной лжи.

— Не позволяй Ратникову использовать твоё горе, — мягко говорит Краст.

— Первый раз его использовали в акте. Там твоя подпись выше.

Выбор получается простой: копия записи уходит Брагину вместе со словами Сеньки или парень покидает полигон один, без опасных остатков. Краст разрешает проход и обещает стрелять, если Ворон ещё раз появится у стены.

— Возле реактивной клетки всё-таки не будете, — напоминаю я.

Ратмир выводит Сеньку центральной дорожкой. Перед воротами я отдаю ему три кусочка чистого инерта из свёртка.

— За карту. Продашь в мастерскую, дома не плавь.

— Сам сказал, мусор не ничей.

— Теперь этот твой. Вместе с последствиями.

Он прячет металл и уходит в серый рассвет Нижнего Яра. На столе остаётся обломок плоского жетона: тёмная бронза, срезанное отверстие для шнура, половина окружности и три расходящиеся черты. Щипцы касаются сплава — ничего. Когда я поворачиваю жетон знаком вверх, рамка на запястье замыкается сама.

ЗНАК СЛУЖБЫ ОПОЗНАН.

ВТОРИЧНЫЙ КРУГ.

ПРАВО НОШЕНИЯ: НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО.

Я закрываю знак пальцем — окно исчезает. Открываю — возвращается. Система впервые смотрит не на функцию предмета, а узнаёт собственную службу. Таисия замечает рамку, забирает щипцы и прячет жетон под картой.

— Где взял? — спрашивает Краст.

— В тайнике, — отвечает Савва прежде меня. — Среди украденного инерта.

Он врёт коротко, без подготовки. Краст слышит, но для доказательства пришлось бы вернуть Сеньку и объяснить, почему того отпустили. Начальник уходит готовить отчёт. Савва ждёт, пока дверь закроется.

— Мальчишку отпустил из-за следа в голове?

— След хотел запереть его здесь до сорока лет. Я сделал наоборот.

— Значит, карта.

— Значит, карта.

Он кивает на жетон.

— А это?

— Знак, который узнал меня раньше, чем я его.

К полудню первый двор выглядит хуже, чем до ревизии, и работает лучше. Флаги сняты, вместо них натянуты шнуры с узлами и дощечками. Центральный путь свободен, боковые коридоры заканчиваются перед реактивными вещами, а перестановки записаны у Аглаи вместе с номерами партий. Поддельный брусок остаётся за щитом в глиняной обойме. Грелка по-прежнему обнимает железный свёрток. Оба цикла не завершены, зато каждый человек знает, куда не ставить ногу и почему.

Никон Брагин приезжает с городским артефактором, двумя стражниками и новой красной папкой. Краст встречает их готовым объяснением: группа проникла при содействии прежних связников Ратникова, охрана действовала сдержанно, временный допуск использован для

освобождения задержанного. Прямой лжи в этой версии нет. Она появляется в порядке, в котором расставлены факты.

Смотритель сначала проходит двор. Просит Льва объяснить узлы, Аглаю — показать журнал, Савву — поднять безопасную клеть. Савва не замыкает захват, пока городской артефактор не называет номер партии и не проверяет дощечку. Ратмир открывает путь стражникам только после того, как они убирают карабины за спину.

Ельцов передаёт запись. Брагин уточняет, когда ему запретили поднимать сигнал.

— До подтверждённого проникновения, господин смотритель.

— А после?

Ельцов смотрит на Краста.

— Новый приказ не поступил.

— Значит, старый вы сочли вечным. В папку.

Краст напоминает, что сборщиков вёл связник Ратникова и один назвал его по старой кличке. Брагин отвечает: это подтверждает прошлое осуждённого, а не качество охраны. Тогда Савва кладёт на стол карту и раскрывает угол с партией сто восемнадцать. Называет возраст Мирона, номер акта и подписи.

Городской артефактор подтверждает, что линии наносили в разные годы. Аглая приносит архивный журнал красного двора. В графе партии 118 поверх слов «сердечник пригоден после гашения» выведено «уничтожен полностью». Нижняя запись проявляется, когда Таисия греет бумагу ладонной пластиной.

— Исправление сделал прежний Ратников, — говорит Краст. — Его подпись внизу.

— Возможно. Он брал деньги и сдавал людей. Ещё одна мерзость биографию не испортит. Вопрос — куда ушёл сердечник после смерти Мирона.

— Ты удобно отделяешь себя от своих рук.

— Не отделяю. Поэтому стою здесь с клеймом, а не прошу поверить мне на слово.

Савва закрывает журнал ладонью.

— Сердечник найдём. Потом будет за что оставить его в живых до второго удара.

Это не защита, но право суда Ломов оставляет себе, а не начальнику охраны.

Брагин считает дощечки. Из ста восьмидесяти трёх предметов семьдесят один подтверждён как безопасный при известных условиях, восемьдесят шесть разведены по поведению, двадцать шесть изолированы без подъёма. Ни один новый груз не принят вслепую. Работники называют воду, тепло, соседство и железный захват прежде, чем просят замкнуть лапы.

— Трёхдневная норма выполнена за двое суток, — решает Брагин. — Аварийное разделение закончено, управляемый приём восстановлен.

— С освобождением вора, — напоминает Краст.

— В обмен на схему многолетнего вывоза, — отвечает смотритель. — Этим отдельно займётся Палата.

Временный допуск мне сохраняют. До конца ревизии Брагин назначает меня старшим сортировщиком первого двора: я могу остановить подъём, потребовать проверку партии, назначить безопасный путь и распределить людей внутри площадки. Не старший смены, не начальник охраны. Небольшая власть, очерченная так точно, чтобы Краст мог считать каждый шаг за линей.

Работники слушают молча. Вчера право остановить захват существовало только у человека с перстнем или печатью; теперь его получает каторжник, которого утром собирались вернуть в яму. Один из старших грузчиков первым спрашивает, действует ли приказ ночью. Брагин отвечает, что опасность не соблюдает расписание. Савва добавляет: остановить сможет любой, но возобновить подъём — только после проверки старшего сортировщика и его собственного знака. Он не отдаёт мне смену. Он встраивает новое право в старую работу так, чтобы оно пережило первый конфликт.

Секретарь достаёт латунную пластину с одним поперечным пазом. Должностной знак возвращают после смены вместе с инструментом. Савва проверяет края и протягивает мне.

— На правый карман. На левом у тебя слишком много прошлого.

Пластина тянет мокрую куртку вниз. В прежней жизни должность подтверждали приказом и дополнительной ответственностью без дополнительной зарплаты. Здесь к последнему добавляют металл, чтобы удобнее было утонуть.

— Краст, поднимите личное дело Ратникова, — продолжает Брагин. — Место рождения, этапы, работы до полигона, всех, кто мог обучить его контурам. Отдельно — связи со сборщиками. Запись нужна завтра.

— Происхождение установлено судом.

— Суд установил кражу. Меня интересует, откуда человек без подготовки знает последовательности, которых нет в наставлении.

Краст обещает проверить. В чужом деле наверняка найдётся достаточно несовпадений, чтобы человек умер раньше объяснений. Таисия поправляет пластину на моём кармане, не касаясь клейма.

— Теперь у вас есть право остановить подъём.

— Вчера я останавливал бесплатно.

— Вчера вас могли наказать за результат. Сегодня ещё и за процедуру.

— Рост заметен.

Брагин требует копию карты. Аглая отказывает: промасленная ткань слишком тонкая, чернила поплывут. Мы переносим линии на официальный план вручную. Казённый лист показывает ворота, пять дворов, Чёрную печь, шесть шахт и старые дренажные каналы. Красный путь подпольного вывоза совпадает с сухим стоком, огибает весовую и уходит под печь. На официальной схеме дальше сплошная кладка. На карте Сеньки линия продолжается ещё на полторы сотни шагов, поворачивает под седьмую опору и входит в квадрат с одной цифрой.

Аглая пересчитывает шахты дважды. Савва держит угол ткани с номером партии сына, Таисия прикрывает жетон Вторичного круга от Краста. После шестой шахты казённый план показывает камень, а подпольная линия проходит сквозь него и упирается в цифру «7». Такого номера нет ни в одном журнале полигона. Груз по этому пути носят годами.

Глава 5. Смена, которая осталась

Цифра «7» ещё блестит свежими чернилами, когда третья башня за окном даёт два удара вместо одного. Второй проходит по зубам и заставляет латунную пластину на кармане подпрыгнуть. Таисия поворачивается к окну раньше, чем по стеклу ударяет дождь: крупные капли на миг становятся серебряными и только потом растекаются водой. Шпунт у желоба вскидывается на задние лапы, прижимает гребень и чихает серым дымом без искр. Для существа, которое питается нестабильным металлом, это убедительнее сирены.

— Эфирный ливень, — говорит городской артефактор. — Башни должны принять первый слой.

Третья башня отвечает двойным ударом. Белая дуга перескакивает на крановый рельс и бежит к первому двору. Савва дёргает аварийный рычаг; захват замирает, но цепь ещё звенит сама по себе. Из жёлтой зоны вылетает связка портновских ножниц и принимается резать дождь, оставляя в воздухе светлые царапины. Фонари на северной стене разворачиваются к самым тёмным местам, а в контейнере дверных замков дужки одна за другой цепляются за решётку, соседние корпуса и водоотводную скобу. Вещи исправно выполняют последние команды, только теперь слушают один общий ток.

— Подъём остановлен! — кричу я, выбегая из весовой. — Первый двор покинуть через центральную дорожку, железо руками не трогать. Лев, веди по шнуру. Ратмир, у ворот счёт.

Люди сначала смотрят на Савву, и он кивает. Лев здоровой рукой ведёт их по зелёному шнуру. Замок с ближайшей клетки прыгает к металлической пряжке на мешке одного грузчика; Ратмир выбивает мешок деревянной жердью, не сбивая человека с шага. Аглая остаётся в дверях весовой, пока последний работник не сходит с платформы.

Таисия уже у основания третьей башни. Она касается мокрого камня костяной вилкой, отдёргивает руку и переносит провод с запястья на медную полосу. Провод белеет до локтя.

— Не приняла, — произносит она. — Земля под башней закрыта.

— Земля не закрывается.

— Заземляющий контур закрывается. Вода связала три двора, а замки сели на выпускную решётку. Башня пытается сбросить заряд и получает его обратно.

За несколько минут сухая канавка превращается в тёмный поток. Замки висят на решётке гроздьё, вода под ними светлеет при каждом ударе башни. На карте Сеньки чёрная линия водоотвода раздваивается: одна ветвь уходит под Чёрную печь, вторая — вниз, к мастерским Нижнего Яра.

— Если вода примет сброс, куда она выйдет?

Аглая разворачивает промасленную карту поверх официального листа. Пальцы дрожат, номера она находит без ошибки.

— Городской канал под Литейной улицей. Потом два ответвления: баня и красильные мастерские. В обычный дождь там открывают боковые створы.

— Сегодня открыты? — спрашивает Брагин.

— После зимы одну заклинило. Про вторую в последней ведомости написано «осмотрена». Это значит, что её видели издалека и не захотели портить день.

Артефактор прикладывает линейку к карте. Таисия велит закрыть внутренние глаза фонарей, но те тянут из общей линии всё больше. Ножницы уже добрались до веревок; перерезанный шнур падает в воду, светлые царапины над лезвиями смыкаются.

— До переполнения третьей башни четверть часа, — говорит артефактор. — Может, меньше. Общий порядок Палаты — покинуть чашу, закрыть внешние ворота и ждать окончания ливня.

— Выполняйте, — решает Брагин. Голос у него сухой, как красная папка, которую секретарь прячет под плащ. — Выводим весь персонал за вторую стену. Краст, оцепление у ворот. Ранич, покидайте объект последней.

Краст смотрит на меня. Приказ пришёлся ему впору: каторжник с новой пластиной либо уйдёт и потеряет двор, либо останется и даст удобную причину снять с него должностной знак.

— Старший сортировщик, вы слышали смотрителя.

— Слышал. Что будет с Нижним Яром, если мы закроем ворота?

Брагин переводит взгляд на артефактора. Тот вытирает серебряную воду с пальцев.

— Плотность выше расчётной. Башня сбросит в поток, волна разбудит бытовые и фабричные контуры. Красильня держит три нагревателя, баня — общий накопитель. Если сцепятся через воду, квартал придётся обесточивать целиком. Если повезёт, ограничится ожогами и выбитыми замками.

Аглая складывает карту, однако руку с неё не убирает.

— Моя мать живёт над красильной мастерской.

Краст усмехается краем рта.

— Поэтому приказ Палаты должен зависеть от семейного положения весовщицы?

— Нет. Просто теперь хотя бы один человек здесь понимает, кого вы назовёте допустимыми ожогами.

Башня бьёт снова. У водоотвода лопается скоба, гроздь замков окончательно перекрывает решётку. Вода касается рельса, свет идёт по луже белыми корнями. Ратмир докладывает, что рабочие вышли. Лев за его спиной спорит с Ельцовым из-за мерного шнура; страх у парня снова прячется за наглостью, но сегодня прячется плохо.

— Закрытие ворот людей не спасёт, — говорю Брагину. — Оно спасёт Палату от свидетелей внутри. Дайте нам четверть часа на разделение двора.

— «Нам» — это кому?

— Пока никому. Я не имею права назначать человека на работу после приказа об эвакуации.

Я поднимаюсь на платформу, чтобы меня видели у дорожки и за воротами. Приказывать остаться легко, когда право уйти есть не у тебя. Тело Ратникова знает слова, которыми прежний хозяин гнал людей под захват. Я не пользуюсь ни одним.

— Через двенадцать или пятнадцать минут башня начнёт отдавать заряд в воду. Канал идёт в Нижний Яр. Если разомкнуть двор здесь, волна не уйдёт к мастерским. Работа опасная, приказ Палаты — эвакуироваться, и за отказ никто не будет отвечать передо мной. Я остаюсь. Остальные выбирают сами.

Несколько работников уходят к воротам. Правильно: человек за ограждением полезнее, чем внутри из стыда. Краст ждёт последнего слова, которое превратит выбор в команду. Я спускаюсь молча.

Савва первым ставит на пульт деревянный знак смены и вытаскивает ключ крана.

— Захват мой. Без него ты половину двора не разведёшь.

Таисия снимает городской знак стабилизатора и кладёт рядом.

— Контуры мои. Без меня вы разведёте их все сразу и в разные стороны.

Ратмир берёт новый щит из досок и становится у центральной дорожки.

— Ворота я уже видел. Здесь теснее.

Лев возвращается под навес с зелёным шнуром.

— Узлы мои. И вообще кто-то должен будет объяснить, что вы сделали неправильно.

Аглая остаётся последней: вручает журналы секретарю Брагина и запирает весовую.

— Номера мои. Если утопите книгу, я вас сама сдам Палате. Если утопите квартал, сдавать будет некому.

Первая добровольная смена собирается без приказа и обещания награды: шесть человек, один исправный кран и четырнадцать минут. Брагин велит Ельцову записывать время за внутренними воротами. Краст уводит охрану к стене. Иногда достаточно отойти в сторону, чтобы чужая смерть стала чужой работой.

Таисия чертит четыре круга: ножницы, фонари с общей кассетой, замки на водоотводе и основание башни, где сходятся рельс, медная полоса и возвратная цепь. Вода уже связала их светлыми перемычками.

— Разрываем от башни, — говорит она. — Сначала освобождаем основание, затем всё остальное потеряет питание.

— Если открыть башню сейчас, она сбросит накопленное в три связанных функции. Ножницы разрежут всё, до чего дотянется наведённый край, замки зажмут канал, фонари выжгут тёмные участки. Сначала убираем потребителей.

— Пока вы будете убирать потребителей, основание нагреется до плавления.

— Значит, дадим башне временный носитель.

— Какой?

Савва указывает на истощённые тягловые сердечники. Аглая качает головой: партия сто восемнадцать выглядела так же. Лев кивает на старые тормозные плиты; Таисия проверяет ближайшую вилкой.

— Инертная масса, — говорит она. — Заряд примет, но придётся разложить плиты в воде до касания рельса. Железом к ним не подходить.

— Кран, деревянная рама и шлак между слоями, — решает Савва. — Семь минут.

— Четыре, — говорю я. — Пока строите отвод, мы снимаем ножницы.

Таисия проводит новую линию от башни к плитам. Её знание местных контуров остаётся на камне, моя последовательность — в порядке команд. В прежнем цехе начальник после такого приписал бы себе обе идеи. Здесь нет времени и сухой бумаги.

До жёлтой зоны добираемся по перевёрнутым тележкам. Ножницы кружат над ящиком: семь обычных связок щёлкают вразнобой, восьмые, с белой рукоятью, режут только светлые перемычки. После каждого их взмаха соседний предмет дёргается сильнее.

— Ведущие, — говорит Таисия. — Остальные повторяют.

— Можно снять их первыми?

— Можно. После этого весь накопленный край уйдёт в ближайшее лезвие. Возможно, в ваш багор.

— Значит, дадим им работу до размыкания.

Лев приносит выбракованный войлок, Ратмир привязывает его к деревянной раме. Семь связок набрасываются на ткань, и царапины в воздухе бледнеют. Белорукие ножницы остаются над ящиком: чужую цель они не признают.

— Им нужна последняя команда, — говорит Таисия. — Ведущий предмет не признаёт чужую цель.

Я касаюсь шарнира костяным крюком. Светлая рамка появляется не сразу, распадается по смешанным следам и показывает три строки.

ФУНКЦИЯ: РАЗДЕЛЕНИЕ МЯГКОГО МАТЕРИАЛА.

СОСЕДНИЙ СЛЕД: МНОЖЕСТВЕННЫЙ.

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ: РАСТЁТ ПРИ ОБРЫВЕ КОМАНДЫ.

Осмотр объясняет, почему ножницы нельзя просто выбить в воду, но не подсказывает, как закончить их работу. Аглая узнаёт фабричную метку и вспоминает, что к партии полагалась мерная тесьма. Лев приносит катушку размокшего шнура; на конце ещё держится синяя нить.

— Подойдёт?

— Если ножницы помнят работу, узнают.

— А если не помнят?

— Узнают твою руку. Поэтому подавай рамой.

Лев приматывает тесьму к войлоку. Белорукие ножницы входят лезвиями в синюю нить, светлая полоса над зоной обрывается. Остальные связки падают на войлок и режут уже без общей ярости.

Медная скоба соединяет ящик с мокрым рельсом. Я ложусь на доски, нащупываю щипцами шпилнт. Пальцы сводит; тело требует сомкнуть руку и не разжимать до конца реза. Я вслух называю предмет, действие и цель.

— Ведущие ножницы завершили выкройку. Остальные режут войлок. Скоба больше не нужна.

— Сначала поверните её по воде, — поправляет Таисия. — Иначе край войдёт в рельс.

— Тогда держите раму левее.

Таисия упирает вилку в перемышку, Лев тянет шнур, Ратмир держит раму. Я поворачиваю скобу вдоль течения и вытаскиваю шпилнт. Белый свет режет войлок на последнюю полосу и гаснет. Ножницы осыпаются на настил; первый круг темнеет.

Пальцы хотят повторить движение. Я разжимаю их по одному; запах мокрой шерсти на секунду сменяется портновским мелом. Восемь процентов приняли новый след, но цифра сейчас ничего не разомкнёт.

У северной стены фонари выжигают тени под клетями. Их общую кассету держит световая печать: пока работа не закончена, крышка не откроется. Таисия велит Савве не торопить кран. По его ответу ясно, что половина тормозных плит уже уложена.

— Фонари ищут темноту, — говорит Лев. — Дадим им ночь в коробе?

— Они прожгут короб и найдут следующую, — отвечает Таисия. — Им нужно осветить площадь до предела, а не увидеть чёрный цвет.

Пустая карантинная клеть обшита отражателями, но одной пластины не хватает. Аглая помнит, куда её переложили три года назад; Лев находит щит под весовой с надписью «непригоден» на целом зеркальном слое. Полигон выбрасывает исправное с той же аккуратностью, с какой принимает опасное.

Мы собираем вокруг фонарей отражающую камеру. Свет возвращается к источникам; два фонаря поворачиваются внутрь, третий мечется, пока Лев не закрывает последнюю щель. Камень нагревается, зато пятна на воде исчезают.

— Кассета насыщается, — предупреждает Таисия. — Тридцать ударов, не больше.

На двенадцатом ударе печать бледнеет, на пятнадцатом крышку можно поднять на палец. Я вставляю под неё костяной клин, Таисия придерживает медную шину вилкой.

— Шина сначала, — говорю я. — Иначе кассета снова увидит общий ток.

— Крышка сначала. Шина держит печать, но отводит избыток в основание.

— Основание в воде.

— Только с южной стороны. Вы стоите с северной.

Вода действительно обходит нашу кромку. Таисия знает двор лучше и не собирается уступать из вежливости. Я переставляю клин.

— Крышка на два пальца, затем шина. Если вода повернёт, бросаем всё.

— Если вода повернёт, я брошу вас раньше.

На двадцать первом ударе я поднимаю крышку, Таисия выводит шину на сухой отражатель. Камеру на несколько секунд заполняет белый свет, затем фонари гаснут. Треснувший щит лопаётся внутри деревянной обвязки, кассета на костяных крюках ложится в песок. Второй круг темнеет.

Мелькает детская комната, где ночью не выключают свет. Лица нет, остаётся страх перед тёмной дверью. Материнская паника узнаёт его; я проверяю, что Лев рядом и достаточно взрослый, чтобы самому портить себе жизнь.

— Ратников, — зовёт Таисия. — Назовите двор.

— Первый. Фонари завершили освещение в отражающей камере. Кассета отделена и передана в песок.

— Кому передана?

— Пока никому.

— Значит, цикл не закрыт. Не привыкайте к чужому страху.

У водоотвода замки сцепились в одну гроздь и притянули решётку к раме. Вода за ней поднялась до колена и пошла в боковую трещину; когда та заполнится, поток найдёт городской уклон. Ратмир подводит деревянный рычаг, ближайший замок отрывает пряжку с его сапога.

— Хорошие, — говорит он. — Надёжные.

— Гарантия до первой эвакуации, — отзывается Лев.

Сорок с лишним корпусов по одному мы не разрядим. Савва опускает рядом раму с тормозными плитами и шлаком — временный носитель для башни. Замкам нужен предмет, который можно окончательно запереть, не перекрыв воду.

— Рама без двери, — замечает Савва.

— Дверь у нас есть.

Мы приподнимаем саму решётку и поворачиваем гроздь к раме. Таисия требует ответные пазы. Аглая называет номер партии и клетку с дверными накладками; рабочие за воротами находят их и через Ельцова подают на доске. Не каждый переступил опасную линию, но смена всё равно работает вместе.

Накладки крепим деревянными штырями, Таисия связывает их медной нитью. Замки срываются с решётки и защёлкиваются на раме один за другим, запирая внутри тормозные плиты. Последний корпус остаётся под водой: его дужка уже держит медную полосу и считает дверь весь выпускной контур. Осмотр распадается на серое пятно, смешанные следы скрывают свойства.

— Поверните против течения, — говорит Таисия. — Там ширина пальца.

— Вашего или моего?

— Моего. Поэтому вам хватит.

Я завожу щипцы под корпус. Пальцы хотят удержать его закрытым, колени сами упираются в решётку. Мелькает дверь и маленькая ладонь на ручке, затем тёмная камера без окон. Замки принесли разные причины не открываться; ни одна не должна решать за меня. Таисия ослабляет нить, я вывожу дужку из полосы. Корпус бьёт по запястью и летит к раме. Решётка поднимается, вода проваливается в основной желоб. Третий круг размывает дождём.

Система появляется перед глазами сама, хотя инструмент уже не касается предмета.

ВНУТРЕННЕЕ ЗАРАЖЕНИЕ: 27%.

ПРЕДЕЛ САМОКОНТРОЛЯ: СОХРАНЁН.

Двадцать семь — ниже границы, за которой Таисия обещала навязчивые движения и провалы памяти. Успокаивает примерно так же, как табличка «не курить» рядом с пожаром.

— Сколько? — спрашивает она.

— Двадцать семь.

— После третьего?

— Да.

Она смотрит на основание башни. Временный отвод Саввы уже светится под водой: тормозные плиты принимают заряд, шлак между ними выпускает пар. Аглая кричит, что до расчётного переполнения осталось две минуты; потом инертная масса начнёт возвращать накопленное в раму с замками.

— Четвёртый разём поднимет выше тридцати, — говорит Таисия.

— Если не сделать четвёртый, башня поднимет выше весь квартал.

— Я говорю не о причине остановиться. Я говорю, чтобы вы не изображали удивление после.

Мы спускаемся к основанию. Вода здесь по бедро и тянет к открытому желобу. Под решёткой сходятся три линии: крановый рельс входит сверху, медная полоса башни уходит в кладку, возвратная цепь Саввы держит временный носитель. Их связывает старый четырёхгранный палец, забитый сквозь проушины. Если вытащить его сразу, башня потеряет и двор, и отвод; накопленный заряд ударит туда, где металл разойдётся первым. Нужно оставить цепь, снять рельс, отделить полосу и только потом освободить палец из проушины носителя.

Я объясняю порядок. Таисия качает головой.

— Полоса держит внутренний щит башни. Снимете её до рельса — щит раскроется.

— Рельс снимаем первым.

— Вы сказали: оставить цепь, снять рельс, отделить полосу. Повторите точно, Ратников. Здесь одно неточное слово переживёт нас.

Я повторяю. Она добавляет местную деталь: после рельса надо повернуть полосу на четверть, чтобы башня приняла цепь как новый внешний контур. Я бы искал эту четверть уже по обожжённому металлу. Её знание экономит нам попытку, которой нет.

Савва натягивает цепь до рабочего звона. Ратмир закрепляет меня страховочной верёвкой за грудь, второй конец оборачивает вокруг каменной тумбы. Лев ложится на край решётки и держит три костяных клина по порядку. Аглая остаётся у сухой линии с журналом и вслух называет время каждого действия. За воротами Брагин, Ельцов, Краст и половина смены молчат так, что дождь слышен по отдельным каплям.

— Рельс, — говорю я.

Лев подаёт широкий клин. Я забиваю его деревянной киянкой между первой и второй проушиной. Рельс подскакивает, по воде проходит белый круг. Ножницы на войлоке одновременно делают последний взмах и замирают. Хороший знак, если не считать того, что я уже перестаю верить хорошим знакам.

— Поворот полосы.

Таисия опускает вилку в воду и ловит медь за боковой паз. Мы работаем с разных сторон решётки: она поворачивает, я удерживаю палец щипцами. Полоса идёт тяжело. Свет из башни обрисовывает кости её пальцев сквозь кожу. На половине движения вода толкает меня к желобу, Ратмир выбирает верёвку и возвращает на место.

— Ещё четверть ладони, — говорит Таисия.

— Вы обещали четверть оборота.

— У местных башен четверть оборота длиннее столичной. Не отвлекайтесь.

Медь становится поперёк проушины. Заряд меняет путь: белая дуга с рельса уходит в возвратную цепь, затем в раму с тормозными плитами. Замки на ней защёлкиваются ещё раз, хотя дальше им двигаться некуда. Савва удерживает натяжение, лицо у него серое от боли в плече.

— Полоса отделена, — говорит Таисия.

— Цепь держит. Палец выводим из рельсовой проушины, затем из башенной. Носитель последним.

Первый участок выходит на ширину ногтя. Второй закис в камне. Лев передаёт узкий клин, я переставляю щипцы. В этот момент третья башня принимает очередной слой ливня. Удар идёт через палец прямо в руку. Мир белеет, тело вспоминает сразу несколько чужих движений: сомкнуть ножницы, захлопнуть дверь, повернуть фонарь к тёмному лицу, прижать ребёнка к груди. Каждое правильное для своего предмета и несовместимое с человеком, который стоит по бедро в воде.

Я не отпускаю палец. Таисия бьёт вилкой по моей рукояти.

— Руку разожмите. Щипцы держатся клином.

Пальцы не слушаются. Тогда Ратмир дёргает страховку, плечо выворачивает назад, хватка слабеет. Лев вбивает узкий клин до конца. Четырёхгранный палец выходит из башенной проушины, оставаясь только в цепной. Свет проваливается в тормозные плиты. Шлак между слоями краснеет, вода над рамой закипает, но общий ток двора больше не возвращается к башне.

— Носитель, — говорит Савва. — Быстрее.

Мы вытаскиваем палец из последней проушины. Возвратная цепь падает на деревянную подкладку и остаётся связана с рамой, но уже не с башней. Третья башня даёт короткий чистый гул. Первая и вторая отвечают по одному разу. Четвёртый круг на камне исчезает под обычной водой.

Буквы возникают на внутренней стороне зрения, ровные и бесцветные. Я вижу сквозь них Таисию, которая всё ещё держит вилку в потоке.

ОПЕРАЦИЯ: ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ЧЕТЫРЁХ СЦЕПЛЕННЫХ УЗЛОВ.

ДОПУСК 1: СОРТИРОВОЧНЫЙ.

ФУНКЦИЯ: РАЗЪЁМ.

ВОЗМОЖНОСТЬ: ВИДЕТЬ ПОРЯДОК ФИЗИЧЕСКОГО РАЗДЕЛЕНИЯ.

ЦЕНА ПРИМЕНЕНИЯ: РОСТ ВНУТРЕННЕГО ЗАРАЖЕНИЯ.

ВНУТРЕННЕЕ ЗАРАЖЕНИЕ: 34%.

Рамка касается четырёхгранного пальца, и на его проушинах проступают тонкие метки: первая, вторая, третья. Разъём не вытаскивает металл вместо меня и не говорит, кто построил башню. Он показывает порядок, в котором физические связи можно снять, не передав функцию соседней детали. Полезная способность. Особенно если каждый ответ понемногу превращает того, кто спрашивает, в склад чужих привычек.

— Тридцать четыре, — произношу я.

Таисия не спрашивает, что открылось. Сначала велит Ратмиру вытащить меня из воды, проверяет зрачки и заставляет назвать всех, кто остался во дворе. Савва, Таисия, Ратмир, Лев, Аглая. На имени Льва чужая тревога снова толкает взгляд к его перевязанной руке. Я замечаю движение и успеваю разозлиться на себя.

— Самоконтроль?

— По надписи сохранён.

— Я спрашиваю вас.

— Пока знаю, что делаю.

Это почти правда. Дождь начинает слабеть, белые дуги на воде гаснут. Фонари заперты в отражающей камере, ножницы лежат в войлоке, замки держат раму с тормозными плитами. Временный носитель перегрет, но Савва уже велит ослабить цепь и подсыпать сухой шлак. Остаётся поддельный брусок в карантинной клетки. Двойной костяной щит на нём почернел, глиняные стяжки дрожат в ритме, которого больше нет ни у одной башни.

— К нему не подходить, — говорит Таисия. — Внутренний след пережил разделение. Пока не узнаем природу — только изоляция.

Я киваю и собираюсь повторить приказ Льву. Следующий звук приходит уже с другой стороны двора: крик Аглаи, скрип открытой клетки. Между ними нет времени. Я стою у карантинной линии, хотя мгновение назад Ратмир держал меня возле башни. В правой руке зажаты щипцы, их губки вошли под край глиняного щита. Левая тянется к надкусанному бруску. Чёрная жила внутри металла пульсирует спокойно, словно всё это время ждала именно меня.

Тело знает, куда вставить брусок. Не я — тело прежнего Ратникова, память замков или чужая функция, которой не хватает последней детали. За клетями, под седьмой опорой, на

миг проступает узкий паз. Если положить металл туда, дрожь уйдёт из руки. Вещь обещает не власть и не силу, а простое облегчение: одно движение — и все чужие желания окажутся на своих местах.

Лев бьёт по моему запястью деревянной меркой. Щипцы вылетают из пальцев, брусок падает не в воду, а на подставленный им войлочный мешок. Ратмир врзается в меня плечом, прижимает к решётке. Таисия накрывает металл вторым щитом и затягивает стяжку так, что кость трещит.

— Вы сами сказали не подходить! — кричит Лев. Лицо у него белое, здоровая рука держит мерку как дубинку. — Я слышал. Все слышали.

Первым приходит бешенство. Мальчишка ударил старшего сортировщика при свидетелях, выбил инструмент, сорвал почти завершённую операцию. Чувство горячее, удобное и совершенно чужое. Я называю про себя двор, людей, предмет. Вижу у ворот Ельцова с дощечкой, Брагина и работников. Краст уже идёт к нам, ожидая, что я выберу власть вместо правды.

— Ратмир, отпусти. Лев, руку покажи.

— У меня целая.

— Ту, которой бил. Если щит отдал разряд, будет ожог.

Лев медленно разжимает пальцы. Кожа красная от удара, следа функции нет. Я поднимаю мерку и возвращаю ему.

— Спасибо.

Он моргает, будто это слово оказалось опаснее ругани.

— За что?

— За правильную остановку. Ельцов, запишите: в тридцать четыре процента заражения старший сортировщик нарушил установленную изоляцию. Лев Туманов выбил инструмент и предотвратил контакт с неустановленным внутренним следом. Действовал правильно.

— Вы хотите внести это в официальный акт? — спрашивает Брагин от ворот.

— Иначе в следующий раз он решит, что должностную пластину бить нельзя.

Краст подходит к чёрному шнуру, но не переступает.

— Или старший сортировщик опасен для объекта и должен быть возвращён в яму.

— Опасен, — отвечаю я. — Поэтому рядом стоят люди, которым разрешено меня останавливать. У вас такие есть?

Один из карабинщиков отводит взгляд. Тот самый, который ночью не нажал на спуск. Савва опускает ключ крана на пульт и растирает больное плечо.

— Запиши всё, Ельцов. И благодарность тоже. Чтобы потом никто не решил, будто бегунок полез под руку ради шутки.

Лев пытается улыбнуться, но губы дрожат.

— Бить сильнее в следующий раз?

— По инструменту. Мне он ещё нужен.

— Это уже сложная наука. Я рассчитывал по голове.

Смех выходит коротким и неровным. Он не снимает страх, только возвращает людям собственные голоса. Ратмир остаётся рядом со мной, пока Таисия завязывает поверх двойного щита чёрный шнур с четырьмя узлами. Новый знак означает: не приближаться даже старшему сортировщику. Лев затягивает последний узел сам.

Серебро исчезает из капель, и эфирный ливень снова становится холодным дождём. Башни гудят по одной, сбрасывая остаток в раму Саввы; тормозные плиты держат заряд, шлак между ними остывает под струями. Таисия не разрешает разбирать носитель: замки получили новый предмет, фонари — завершённое освещение, ножницы — раскрытый войлок, но без-

опасный остаток ещё не передан и не подписан. Для завершения циклов нужны сухой инструмент и люди, которые не падают от усталости.

За воротами рабочие возвращаются сами, хотя Брагин не успевает отменить эвакуацию. Одни приносят доски, другие мешки с песком, кто-то ставит на камень котёл с горячей водой. Савва принимает помощь без благодарностей и выдаёт работу по одной команде. Ратмир открывает центральную дорожку только для дерева и людей без металла. Аглая забирает у секретаря журналы, проверяет сухие углы и первым делом вписывает фамилию Льва в строку аварийной остановки.

— Пиши «ударил старшего сортировщика», — просит он, заглядывая через плечо. — Иначе дома не поверят.

— Напишу «применил мерный инструмент по назначению».

— У него назначение длину мерить.

— Теперь ещё и глубину глупости.

Брагин требует расчёт, дошла ли волна до квартала. Городской артефактор ставит две контрольные пластины в выпускной канал. Обе остаются серыми. С Литейной улицы прибегает мокрый мальчишка из красильни и сообщает, что створы дёрнулись один раз, накопители не проснулись, вода в бане пахнет только трубами. Для Палаты это ещё не доказательство спасения. Для людей, чьи дома остались на месте, вполне.

Смотритель снимает промокшую шляпу и подходит к нам без стражников.

— Приказ об эвакуации вы нарушили.

— Я остался один, — говорю я. — Остальные выбрали сами.

— Это не уменьшает риск.

— Зато не прячет его под словом «служебный».

Он смотрит на Савву. Тот подтверждает, что приказа остаться не было. Таисия перечисляет четыре разомкнутых узла, физический носитель и состояние башен. Аглая называет время, Ратмир — число людей в чаше, Лев показывает мерку и не к месту улыбается. Брагин получает шесть версий одной операции, которые совпадают в действиях и расходятся только в оценке моего здравомыслия.

— Двор удержан, сброс в городской канал не зарегистрирован, — говорит он секретарю. — Временный старший сортировщик сохраняет должность до ревизии. Отдельно отметить добровольное участие смены.

— И заражение, — добавляет Таисия.

Краст поворачивается к ней слишком быстро.

— Какое заражение?

— Рабочее. После четырёх контактов Ратников потерял несколько секунд и нарушил собственный запрет. Я отстраняю его от инструмента до осмотра.

Она произносит это при всех, не оставляя мне возможности спрятать слабость и Красту — возможности обнаружить её первым. Брагин требует цифру. Я отвечаю: тридцать четыре процента. Городской артефактор отступает на шаг. Работники остаются на месте.

— Тридцать четыре — достаточное основание для изоляции, — говорит Брагин.

— По городской норме для одного непрерывного следа, — возражает Таисия. — Здесь три разделённых и один памятный. Изоляция без завершения циклов закрепит их. Нужны наблюдение, журнал движений и право любого члена смены остановить Ратникова.

— Такое право у них уже есть, — говорит Савва. — Один проверил.

Лев прячет мерку за спину. Брагин долго смотрит на чёрный шнур вокруг поддельного бруска, затем ставит подпись под записью Ельцова. Допуск первого уровня существует только в строках, которые вижу я; официально мне оставляют пластину и добавляют условие, способное превратить команду в надзирателей. Станным образом от этого дышать легче. Красту нужен один тайный срыв, а мы сделали его общей записью.

Когда вода в первом дворе опускается ниже подошв, у седьмой опоры проваливается полоса шлака. Никто не замечает сразу: Савва занят рамой, Таисия проверяет мне пульс, Аглая сушит карту над закрытым фонарём. Потом из-под Чёрной печи доносится протяжный скрежет. Ратмир поднимает щит, рабочие замирают, ожидая новой функции. Вместо неё из размокшей насыпи выдавливает лист тёмного металла шириной в две двери.

Красная линия на карте Сеньки приходит именно сюда. Мы не копаем, только отводим воду деревянными лопатами и снимаем шлак сверху, чтобы не нагрузить неизвестную конструкцию. Металл продолжается вниз. На нём нет ручки, зато по краю проступает утопленный шов и круглый паз под служебный знак. Таисия достаёт обломок жетона Вторичного круга, но не приближает к двери.

— Сначала закончим то, что уже открыли, — говорит она.

— Наконец-то разумный человек на полигоне, — замечает Савва.

— Я говорила не о вас.

Аглая совмещает карту с официальным планом. В казённой схеме на этом месте стоит глухая кладка между шестой шахтой и фундаментом печи. Подпольный маршрут проходит через металл и уходит дальше, к квадрату с цифрой «7». Краст требует оградить находку до прибытия людей Вересовых. Брагин отвечает, что объект находится под городской ревизией и до выяснения принадлежности останется за печатью Палаты. Вежливые слова впервые закрывают что-то от Дома, а не для него.

Мы очищаем верхний край. Буквы показываются медленно: сначала длинная вертикаль, затем круг, потом целое слово под слоем зелёной окиси. Лев читает по складам, Аглая поправляет третью букву. Таисия стоит рядом со мной и следит не за надписью, а за моей правой рукой. Я держу обе ладони на виду. Когда последний ком мокрого шлака сползает с металла, под Чёрной печью открывается выцветшая строка: «Управление Вторичного круга». Дверь уходит в землю, и паз на ней точь-в-точь повторяет обломок жетона, который система узнала раньше нас.

Глава 6. Полигон № 13

К утру дождь вымывает с двери зелёную грязь, зато добавляет к надписи печать Палаты, две карабинные скобы и Ельцова на табурете под брезентом. За его спиной остывает Чёрная печь; металл стонет низко, почти по-человечески. После ночной смены мне тоже есть чем стонать: правое запястье распухло, во рту держится вкус медной монеты, пальцы хотят то сомкнуться, то повернуть невидимую дужку. Я держу кружку обеими ладонями и называю предметы вокруг, пока они снова не становятся вещами, а не командами.

Таисия не разрешает подойти к двери, пока мы не завершаем ночные циклы. Ножничные лезвия после подписи получает Савва для аварийного резака, медь из фонарной кассеты — сама Таисия, сталь замков Аглая записывает за Ратмиром на ремонт ворот, а остывшие тормозные плиты передают весовой как контрольные грузы. Я вслух называю законченную функцию и получателя каждого остатка. После четвёртой записи из носа уходит запах портновского мела, рука перестаёт искать чужой замок, а цифра заражения снижается до двадцати девяти.

— Двадцать девять, — говорю я, когда бесцветная цифра гаснет.

Таисия ставит в журнале две точки: заражение и то, что я назвал его сам. На ней вчерашняя куртка, волосы собраны медной спицей кое-как.

— Ниже границы — не значит здоров, — напоминает она. — Провалы не обязаны прекратиться сразу. К служебному узлу вы подходите только при свидетелях.

— У нас возле двери секретарь, два карабина и печать величиной с тарелку. Если добавить ещё свидетелей, дверь придётся расширять.

— Кого вы пытаетесь успокоить?

Я смотрю на обломок жетона у неё в ладони. После воды на тёмном металле выступили две окружности, одна внутри другой. Куска не хватает почти на треть, а паз в двери повторяет целую форму и не обещает, что примет половину.

— Пока никого, — отвечаю я. — Получается плохо.

Савва подвигает к двери деревянный козёл, щупает шов костяным стержнем и прикладывает ухо к металлу.

— За листом пусто, — говорит он. — Петли нижние. Откроется вниз либо вбок под землю. Если дёрнете знаком без упора, получите дверь на ноги.

— Поэтому никто не дёргает, — отзывается Таисия.

— Я ему говорю. Вы и сами умеете не дёргать.

Лев приносит доски, Аглая — официальную карту и книгу в жестяном футляре. Ратмир катит тележку без железных гвоздей: верёвки, клинья, лампа и клетка с тремя мышами. После вчерашнего неизвестное помещение сначала должно доказать безопасность кому-нибудь легче человека.

— Мыши казённые? — спрашивает Лев.

— Теперь да, — говорит Ратмир. — Ельцов видел.

Ельцов под брезентом открывает один глаз.

— Я видел, как вы украли клетку у поварихи.

— Значит, происхождение установлено, — заключает Ратмир.

Никон Брагин приходит без городского артефактора, зато с красной папкой и серым лицом человека, которому за ночь пришлось выбрать между двумя опасными подписями. Два палатных карабинщика снимают скобы, печать смотритель надрезает сам.

— Осмотр допускаю один, — говорит он. — Имущество не перемещать, записи не изымать. При обнаружении действующего контура выйти и опечатать вход повторно.

— При обнаружении недействующего тоже выйти? — спрашивает Аглая.

— Недействующим контур признаёт городской артефактор.

— Который ушёл после слов «двадцать девять».

Брагин поправляет воротник: господин Лест после ночного выброса доказывает жителям Литейной, что Палата спасла их дома. Я начинаю понимать зрителя лучше, чем хотел бы. В его мире катастрофа становится настоящей после номера, а спасение — после подписи. Другую броню чиновникам не выдают.

Аглая раскладывает на козле три документа: акт ночной операции, журнал приёмки и карту Сеньки. Брагин требует убрать последнюю как добытую незаконно. Весовщица молча накрывает её официальным планом так, чтобы квадрат с цифрой «7» остался виден в прорези между листами.

— Кто входит? — спрашивает зритель.

— Я, Ранич и Ломов, — отвечаю. — Ратмир у входа. Аглая ведёт опись. Лев носит свет и ничего не трогает.

— Почему я всегда получаю самую сложную работу?

— Потому что простую ты уже выполнил меркой.

Лев ухмыляется, но сначала смотрит на мою руку. Вчерашнее разрешение останавливать меня теперь ходит рядом на двух ногах и старается не показывать страх.

Таисия вставляет обломок жетона в паз костяными щипцами. Он входит по целому краю, проваливается на толщину ногтя и застревает в месте излома. Ничего не происходит. Савва устанавливает под нижний край двери два деревянных упора, привязывает полотно к балке печи и только после этого кивает мне.

Я касаюсь окружности инструментом. Осмотр видит старый служебный след и пустоту вместо трети жетона. Разъём показывает запорную тягу и тонкую перемычку, уходящую не к петлям, а мне под ноги. Открывать нужно не створку: полигон требует закончить что-то снаружи.

— Под дверью линия, — говорю я. — Идёт к первому двору.

Савва хмурится.

— Медная полоса башни?

— Глубже. Начинается здесь и принимает четыре ответвления.

Таисия приседает у порога, проводит костяной вилкой по камню. На четвёртом шве металл под штукатуркой отвечает слабым теплом.

— Ночная схема, — говорит она. — Ножницы, фонари, замки и основание. Четыре завершения сошлись возле двери.

— Случайно? — спрашивает Брагин.

— На полигоне случайно только жалованье не платят, — бросает Савва.

Я достаю временную пластину старшего сортировщика. На лицевой стороне имя прежнего Ратникова, на обороте отметка Брагина о сохранённой смене. Паз сделан не под неё, но Разъём показывает: пластина не часть замка. Она часть ответа.

— Здесь признают не целый жетон, — говорю я. — Нужна завершённая операция.

— Система вам это написала? — Таисия не поднимает глаз от пола.

— Нет. Поэтому могу ошибаться.

— Наконец-то точный местный термин.

Мы кладем на камень акт с шестью подписями: моей, Таисии, Саввы, Ратмира, Аглаи и неровным крюком Льва. Ни один из нас не принадлежит к великому дому, зато каждый может назвать, где закончил опасную функцию.

Я вставляю латунную пластину поверх обломка жетона. Металлы не совпадают ни размером, ни возрастом. Под правой ладонью просыпается слабая вибрация. Не из двери — из двора. Четыре ночные линии сходятся под бумагой, проходят через подписи и замыкаются на внутренней окружности знака. Система возникает спокойно, без звона и света.

СЛУЖЕБНЫЙ УЗЕЛ: УПРАВЛЕНИЕ ВТОРИЧНОГО КРУГА.

**УСЛОВИЕ ДОПУСКА: ЗАВЕРШЁННАЯ АВАРИЙНАЯ ОПЕРАЦИЯ.
КРОВНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ: НЕ ТРЕБУЕТСЯ.**

— Отойдите от полотна, — говорю я.

Запорная тяга внутри двери уходит вниз. Саввины верёвки натягиваются, деревянные упоры принимают первый толчок. Створка не падает и не распаивается: медленно скользит в боковую щель, выдавливая воду и чёрный песок. Из проёма тянет сухим железом, бумагой и тем холодом, который бывает в давно закрытых подвалах, где воздух забыл людей, но сохранил их работу.

Ратмир ставит клетку на порог. Первая мышь нюхает темноту, садится на задние лапы и начинает умываться. Вторая грызёт прут. Третья спит, чем исчерпывает научную часть осмотра.

— Казённые сотрудники готовы, — сообщает он.

Брагин заглядывает поверх его плеча. Лампа Льва выхватывает узкий коридор, серые стены и белую полосу на полу. Через три шага полоса раздваивается: одна ветвь ведёт к стеклянной двери, другая уходит вниз по лестнице. На стене напротив входа проступает чёрный круг, перечёркнутый шестью радиальными линиями. В центре оставлена маленькая пустота.

Таисия первой узнаёт знак. Не по Системе — по тому, как перестаёт дышать.

— Я видела такой на закрытых чертежах Вересовых, — говорит она наконец. — Его называли старой маркировкой отходов.

— А это что? — Лев поднимает лампу.

Под кругом сохранились слова, выведенные простой чёрной краской: «Сила заканчивается там, где завершены последствия».

— Похоже, вещи были не единственными отходами, — произношу я.

Савва переступает порог и постукивает каблуком по белой линии.

— Пол держит. Философию потом. У нас помещение, которое тридцать лет никто не проветривал, а мальчишка уже полез с огнём.

— Масляная лампа безопаснее вашего настроения, — отвечает Лев, но фитиль опускает.

Мы входим по одному. Брагин остаётся у порога до тех пор, пока Аглая не сообщает, что по правилам описи смотритель обязан видеть имущество лично. Тогда он велит Ельцову записать своё добровольное присутствие и переступает белую черту так осторожно, будто она может потребовать ещё одну подпись.

Стеклянная дверь ведёт в зал длиной с весовую. Вдоль стен стоят металлические шкафы с номерами и именами, между ними — столы с зажимами, желобами и чашами из тёмного камня. На ближнем лежит разобранный щит: каждая пластина отделена костяной прокладкой и снабжена биркой. Последняя дата — тридцать один год назад. Сохранная команда держала помещение так долго, что пыль остановилась валиком у белой линии; дальше пол чистый, воздух сухой, лампа горит ровно. Когда Лев поднимает фитиль, Таисия накрывает стекло ладонью.

— Не добавляйте тепла. Мы не знаем, куда оно здесь уходит.

— В комнате холодно.

— Поэтому и не знаем.

Савва открывает первый шкаф деревянным крючком. Щипцы, костяная вилка, рамка и клинья уложены по порядку руки, а не по размеру. На дверце: «Мастер Илара Вейн. Осталась в шестом дворе». Дальше идут Ромей Кац, Селма Горн и ещё десятки имён. Большинство заканчиваются местом, где человек остался: шахта, отвод, печь, шестой двор. Брагин снимает шляпу. Слишком много мёртвых смотрят на его папку с металлических табличек.

Аглая переписывает имена. Савва идёт рядом и на каждой табличке проверяет место гибели.

— Нам имён не называли, — говорит он. — Писали: сам нарушил порядок. Мирону через тридцать лет написали то же.

Лев перестаёт вертеть лампу. У каждого второго дома в Нижнем Яре есть человек, которого полигон не вернул, и казённая строка, объясняющая смерть ошибкой погибшего.

На дальней стене висит схема. Шесть вытянутых овалов образуют кольцо вокруг центрального чёрного круга. От каждого овала вниз уходят две линии: рабочая и возвратная. Подписаны все шесть дворов. Пять совпадают с нынешними сортировочными площадками. Шестой нарисован там, где теперь стоит Чёрная печь и куда выходит найденная дверь.

— У нас пять дворов, — говорит Ратмир от входа.

— Сейчас пять, — отвечает Савва. Он прикладывает палец к старому плану. — Печь ставили позже. Под ней камень другой. Я думал, основание усиливали.

Таисия снимает копию линий на промасленную бумагу, не прикасаясь к схеме. От внешнего кольца они сходятся к семи квадратам. Шесть шахт разнесены под дворами, седьмая находится в середине и не имеет грузового подъёма. К ней ведут только возвратные линии.

— В официальном плане шестая шахта заканчивается под печью, — говорит Аглая.

— Потому что на официальном плане шестой двор заменили печью, — отвечаю я. — Всё, что раньше разделяли снаружи, последние тридцать лет сжигают. Остаток уходит в возврат.

— В седьмую шахту, — заканчивает Таисия.

Брагин называет линии возможным дренажем. Аглая замечает, что инженеры слишком старались нарисовать трубу как служебный контур. Смотритель прячется за словом «возможно».

Система не появляется, пока я не беру из ближайшего шкафа костяной циркуль. На рукояти вырезан тот же двойной круг, что на жетоне. Я прижимаю одну ножку к первому двору на схеме, вторую — к центральной шахте. Металл под стеной отвечает гулом; линии на карте темнеют, и на внутренней стороне зрения проступают слова.

НАЗНАЧЕНИЕ ОБЪЕКТА: СТАНЦИЯ УПРАВЛЯЕМОГО РАЗЪЕДИНЕНИЯ.

ВНЕШНИЙ КОНТУР: ШЕСТЬ РАЗБОРНЫХ ДВОРОВ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УЗЕЛ: ШАХТА 7.

Ни слова о хранении или свалке. Полигон принимает опасную функцию во внешнем дворе, разделяет и должен отдавать безопасный остаток наружу. В шахту по возвратной линии уходит только незавершённое.

— Полигон был машиной, — говорю я. — Не местом.

— Машиной для чего? — Брагин задаёт вопрос слишком быстро.

— Для разъединения. А шахта — приёмник незавершённого.

— Приёмник должен был опустошаться, — говорит Таисия, глядя на чёрный центр. Последний контур на карте не обозначен: его не закончили либо не хотели оставлять на стене.

Савва постукивает по шестому двору.

— Тридцать один год мы сыплем сюда остатки и топим печь. Если возврат под ней сохранился, куда уходит всё незавершённое?

Ответ расположен в центре схемы, но даже Лев не произносит его.

Аглая находит под картой двадцать семь бумажных журналов. Первые книги толстые и аккуратные, последние исписаны поперёк печатных граф. На верхней крышке: «Аркадий Таль, мастер объекта».

— Последний известный мастер, — говорит Брагин. — В городском перечне значится виновником аварии. Самовольное изменение защитной схемы, гибель смены, уничтожение имущества двух фабрик.

— Удобный покойник, — замечает Аглая. — И подпись за него не попросишь.

Я открываю журнал двумя костяными лопатками. Таль пишет коротко: номера, вес, функция, последовательность разъёма, фамилии, получатель остатка. Чем ближе последняя дата, тем чаще в последней графе появляется «возврат 7».

— Смотрите партии, — говорит Аглая. — Сначала одна из двадцати. Потом каждая третья.

— Здесь не хватало получателей, — говорит Таисия. — Мастерские закрывали, лицензии отзывали. Без передачи цикл оставался незавершённым.

— Их отправляли в шахту, как мы ночью кассету в песок, — понимает Лев.

— Песок утром разобрали. Шахту заполняли годами.

На полях появляются замечания другим почерком: «не препятствовать возврату сырья», «изделие востребовано фабрикой», «разбор экономически нецелесообразен». Подписи нет, вместо неё вытянутый знак в форме ветки. Я видел такой на пряжке Краста и на ящиках с поддельным инертом.

Брагин видит тоже. Он листает красную папку, будто там может найтись более удобная форма ветки.

— Родовой знак не доказывает распоряжение конкретного лица.

— Конечно, — говорит Аглая. — Великие дома рисуют свои знаки на чужих приказах для красоты.

Последние записи сделаны неровно. Таль меняет схему внешнего кольца, пытается перекрыть возвратные линии и требует выдавать остатки Нижнему Яру бесплатно, лишь бы у каждой функции появился живой получатель. Дважды пишет о звуках из центральной шахты. Один раз отмечает, что голос повторил приказ после мастера и произнёс его правильнее.

На предпоследней странице приколот узкий лист с расчётом. Лицевая сторона покрыта колонками: масса возврата, число памятных следов, время между ответами из шахты. Внизу Таль вывел: «Удержание ошибочно. Давление растёт от каждого незавершённого цикла». Край листа загнут. Под ним видны синие линии другого чертежа.

Таисия замечает их раньше меня. Её зажим останавливается над бумагой, большой палец прижимает шов на перчатке. Она не переворачивает лист.

— Последняя страница, — говорит Савва.

Запись начинается с номера шестого двора. Таль пишет, что внешнее кольцо разомкнуто по приказу владельца земли, инструменты опечатаны, а людей выводят до имперской проверки, которая не успеет прибыть. Дальше строка: «Седьмой узел не спит. Он повторяет функции и ищет для них общую форму». Последние слова продавлены так сильно, что перо провалило бумагу.

«Мы не удерживаем его. Мы всё ещё кормим».

Ниже остаётся место для продолжения. Чернила обрываются посреди росчерка, будто Таль поднял голову на звук, которого остальные ещё не слышали.

Звук приходит из коридора: три удара сапогом по белой линии, пауза, ещё три. Ратмир не зовёт нас и не отходит от входа. Он просто поворачивает щит поперёк прохода, отчего становится ясно: мыши проверку закончили, начались люди.

— Осмотр прекращён, — кричит Краст из-за его плеча. — По распоряжению владельца земли помещение передаётся управлению Дома Вересовых. Посторонним положить документы и выйти.

Лев смотрит на журнал Таля.

— Это мы посторонние или мёртвые?

— Ты пока имущество Палаты, — отвечает Савва. — Не лсти себе.

За Демьяном в коридоре стоят восемь дружинников; двое несут родовые молоты, ещё один — футляр с бумагами. Стрелять рядом с неизвестным инструментом никто не станет, поэтому люди великого дома принесли молоты. С гербом разрушение почему-то считается аккуратнее.

Красту приходится протиснуться мимо щита Ратмира боком. Небольшое унижение он складывает на будущее; сейчас лицо у него спокойное, даже приветливое.

— Ратников, — говорит он. — Двое суток назад ты таскал шлак за похлёбку. Сегодня вскрываешь собственность великого дома и перебираешь бумаги погибших мастеров. Быстро растёшь.

— Плохая почва. Приходится тянуться к свету.

— Свет здесь принадлежит Вересовым.

— Тогда пусть заберут вчерашний. Он до сих пор в тормозных плитах.

Лев давится смехом. Краст людей ниже себя замечает только в момент наказания; половина комнаты успевает действовать, пока он разговаривает со мной.

Человек с футляром разворачивает купчую: пятьдесят шесть лет назад земля передана Вересовым вместе со строениями, хранилищами и неучтёнными помещениями. Последнюю фразу обвели красным.

— Документ подлинный, — говорит Брагин у мемориальной стены. — Но управление может относиться к упразднённой имперской службе. До архивного заключения имущество следует опечатать совместно.

— Следовало бы, — соглашается Краст. — Но вы уже позволили каторжнику сорвать старую печать и войти. Дом принимает меры для сохранности своего имущества. Ваш секретарь получит копию описи.

Брагин не продался. Просто за ним Палата с городскими печатями, а за Крастом — фамилия, фабрики и люди, способные завтра доказать, что смотрителя никогда не назначали. Чиновничья трусость редко похожа на бегство. Чаще она выбирает формулировку.

— Никон Львович, — говорит Аглая, не отрываясь от своей описи. — Если вы передаёте помещение, назовите основание и время. Мне оставлять пустую строку неудобно.

— Я не передаю.

— Тогда кто приказывает нам выйти?

Краст улыбается.

— Ваша весовица опять путает журнал с властью.

— Нет, — отвечает Брагин после паузы. — Она требует, чтобы власть оставила след.

Смотритель нашёл процедуру, за которой можно переждать удар. Я принимаю и такую помощь: на аварии выбирают между тем, что есть, и голыми руками.

Демьян проходит к старой схеме. Один дружинник ставит родовой молот возле центрального круга, другой раскрывает футляр с коротким серебряным жезлом. На рукояти та же ветвь, которой отмечены распоряжения в журнале Таля.

— Семьдесят два года назад государство отвело эту землю под временную службу, — говорит человек с бумагами. — Служба ликвидирована имперским указом. Всё оставшееся имущество следует праву земли.

— Люди на стене тоже? — спрашивает Савва.

Чиновник Вересовых запинается, Краст отвечает за него:

— Кости ваших родственников Дом не оспаривает.

Савва смотрит на стену имён. Лицо у него не меняется. Он закрывает ближайший шкаф, проверяет защёлку и только потом поворачивается к Демьяну.

— Щедро.

Лев опускает глаза. Даже Красту на миг становится тесно в собственном плаще.

— Ломов, выведите смену. Ранич передаст ключи и опись. Каторжника я заберу отдельно.

— На каком основании? — спрашивает Таисия.

— Нарушение приказа об эвакуации, заражение выше безопасного предела, незаконное применение неизвестного контура. Вы сами внесли всё это в акт.

— Внесла. Там же записано, что операция завершена, двор удержан, городской сброс не произошёл, а Ратников оставлен в должности смотрителем Палаты.

— Временная пластина не делает его мастером.

— Родовой жезл тоже.

Демьян берёт серебряный знак у подчинённого и вставляет в углубление под картой. Ветвь на рукояти совпадает с боковой насечкой, но центральный круг остаётся тёмным. Он поворачивает жезл. Где-то в стене сухо щёлкает защита, отсекая чужую деталь. Металл не спорит и не признаёт власть. Он просто не принимает неподходящий инструмент.

— Механизм повреждён, — говорит чиновник.

— Конечно, — Аглая обмакивает перо. — Записать повреждение до попытки или после?

Краст вытаскивает жезл. На серебре остаётся чёрная полоска; его люди видят её, и теперь отступить молча нельзя. Демьян кладёт ладонь на родовой молот.

— Открыть стену.

Таисия становится между молотом и схемой.

— За ней активный контур. Я отвечаю за стабилизацию объекта.

— Пока Дом оплачивает ваш договор.

— Последние четыре месяца не оплачивает.

Ратмир делает полшага вперёд, закрывая щитом двух дружинников. Ещё немного — и спор о бумагах закончится ударом по древней стене, а виноватым назначат того, у кого нет фамилии на печати.

Я возвращаю журнал Таля на стол. У мастерского места в центре зала — каменная чаша, шесть зажимов и гнездо размером с мою пластину. Разъём показывает связь с картой и дверью. Для включения не хватает не детали, а человека, который примет незавершённое на себя. В прежней жизни автора такой инструкции выгнали бы вместе с бумагой. Здесь смысл физический: ночная операция прошла через шесть подписей, остатки получили конкретных людей, риск записан на моё имя.

— Лев, акт, — говорю я.

Он забирает лист у Аглаи и кладёт возле чаши. Краст отпускает молот.

— Не трогай механизм, Ратников.

— Вы только что приказали его сломать.

— Я приказал владельцам открыть своё помещение.

— Пока оно ваше только на бумаге. Вещи не думают, зато механизмы выбирают подходящую деталь.

Пластина и обломок жетона остаются холодными. Зато шесть зажимов поворачиваются к людям, которые вчера остались. Здесь нужны не кровь и не правильный металл, а подтверждённое завершение.

— Савва, что получили ножницы?

— Работу. Раскроили войлок. Остаток у моего крана, — отвечает Савва и кладёт на первый зажим деревянный ключ.

— Таисия?

— Фонари завершили освещение. Медь приняла я для защитных прокладок, — говорит Таисия и касается второго зажима вилкой.

— Ратмир?

— Замки закрыли раму. Сталь у меня, пойдёт на ворота, — Ратмир упирает щит в третий зажим. Аглая кладёт журнал на четвёртый и называет номер контрольных плит. Лев мнётся возле пятого.

— Я никому ничего не передавал.

— Передавал, — говорю я. — Остановку.

— Старший сортировщик нарушил изоляцию. Я выбил инструмент, предмет вернули под щит, — отвечает он уже без улыбки.

— Кому ты передал результат?

Лев смотрит на деревянную мерку.

— Смене. Чтобы следующий тоже бил, если понадобится.

Пятый зажим принимает дерево. Я кладу ладонь на пластину перед шестым.

— Основание башни физически отделено от первого двора. Заряд передан в тормозные плиты, безопасный остаток получила весовая. Риск заражения записан на моё имя. Право останавливать меня передано смене.

Последний зажим закрывается. Серая линия соединяет предметы, подписи и пластину, затем уходит в стену. В шкафах одновременно щёлкают защёлки, на мемориальной стене тускло блестят имена.

Система закрывает карту поверх реального зала. Буквы появляются одна за другой, будто механизм долго вспоминает официальный язык.

ОПЕРАЦИЯ ПОДТВЕРЖДЕНА: АВАРИЙНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ВНЕШНЕГО КОНТУРА.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ: ВАДИМ РАТНИКОВ.

СТАТУС: ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ МАСТЕРА ПОЛИГОНА № 13.

СРОК: ДО ИМПЕРСКОЙ ПРОВЕРКИ.

Остальные видят, как из края стола выходит печать и оставляет вокруг подписей двойной круг. Второй оттиск ложится на пластину; строку «старший сортировщик» сменяет новая: «И. о. мастера. Полигон № 13».

Краст подходит к столу и рассматривает пластину без удовольствия.

— Каторжное клеймо куда не делось.

— Должность тоже.

— Механизм не отменяет приговор.

— Не отменяет, — подтверждает Брагин. — Но на действующем опасном объекте имперский аварийный устав выше права земли. Снять исполнителя может проверка либо наблюдатель при доказанной утрате контроля.

— Служба ликвидирована.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.